

Российская Академия Наук
Институт философии

А.А. Горелов

ИСТИНА И СМЫСЛ

Москва
2010

УДК 100.7
ББК 15.13
Г 68

В авторской редакции

Рецензенты

доктор филос. наук *В.В. Мильков*

доктор филос. наук *Е.И. Рачин*

Г 68 **Горелов, А.А.** Истина и смысл [Текст] / А.А. Горелов; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2010. – 147 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 141–146. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0162-4.

Рассматривается соотношение понятий «истина» и «смысл». Работа состоит из двух частей. В первой части анализируются различные концепции истины, сформировавшиеся в античности и в Новое время, а также виды истины в различных отраслях культуры. Во второй части дается определение смысла жизни как трансформации телесного в духовное и показывается, как данное определение связано с определением истины как процесса и результата познания.

Для тех, кто интересуется проблемами истины и смысла жизни.

ISBN 978-5-9540-0162-4

© Горелов А.А., 2010

© ИФ РАН, 2010

ЧАСТЬ I. ИСТИНА

Такова сила истины: победа ее трудна и тяжка, но зато, раз она одержана, ее уже не вернешь назад.

А.Шопенгауэр

Вместо предисловия. «Что есть истина?»

Вопрос «Что есть истина?» хорошо известен нам из Евангелия, как заданный римским правителем Иудеи Понтием Пилатом приведенному к нему Христу, который сказал Пилату: «Я на то родился и пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего» (Евангелие от Иоанна 18:37). Для крупного государственного чиновника Пилата вопрос об истине конечно не был главным. Но как хорошо образованный человек он знал, сколько сил затратили античные философы на нахождение истины, и задал свой вопрос, чтобы понять человека, часто употреблявшего фразу «Истинно, истинно говорю вам». Он хотел разобраться, что движет приведенным к нему пророком.

Мы не знаем ответа Христа Пилату, но ранее на вопрос Фомы Неверующего: «Как можем знать путь?» Иисус ответил: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Евангелие от Иоанна 14:5,6). И сначала ученики, а потом большинство цивилизованного человечества поверили Христу. В христианстве реализовалась надежда на обретение истины.

Вера в явленность истины на длительный период остановила философские дискуссии об истине вплоть до того времени, когда на смену Средним векам пришло Возрождение, возродившее в числе прочего старые споры об истине, которые продолжаются и поныне.

Значение истины

Начиная любое исследование, мы имеем целью достижение результата, который можно назвать истинным. Скептики отказываются от такой претензии, но и они, по-видимому, верят в истинность своего отрицания, из-за чего их точка зрения представляется противоречивой. Чтобы убедиться в том, насколько необходима человеку истина, достаточно вспомнить о мучениях, которые претерпевали люди в ее поисках, отстаивании и утверждении. Само слово истина способно производить на человека облагораживающее духовное и даже физиологическое воздействие. «Если дух и душа человека еще здоровы, то у него при звуках этого слова должна выше вздыматься грудь»¹.

Если наша цель – истина, то позволительно прежде всего задать пилатовский вопрос: что есть истина? Вслед за первым неизбежно встают другие вопросы: возможно ли достичь истину? Существует ли истина предвечно или становится во времени? Представляет ли она собой самое действительное или отражение ее в ощущениях или суждениях людей? Одна ли она для всех людей или у каждого должна быть своя индивидуальная истина? Это лишь немного, что следует выяснить в связи с поисками ответа на наш главный вопрос.

Античные концепции истины

Человек посмотрел на траву и сказал: «трава зеленая». Он не думает, говорит ли он истину или нет. А если задумается о своих словах и начнет анализировать, почему назвал траву зеленой, а не желтой или синей, то скажет: «я вижу, что трава зеленого цвета, и поэтому будет соответствовать истине, если я скажу, что трава зеленая». Как только он произнес магическое слово «истина», возникает проблема, мимо которой не прошел не один крупный мыслитель прошлого и настоящего.

К нашему воображаемому человеку, обратившему внимание на зеленую траву, приближается *философ-скептик* и спрашивает: «чем ты докажешь, что перед тобой действительно трава и она зеленого цвета? То, что ты сказал, есть суждение, но тождественно ли оно объективной реальности? Ты говоришь, что видишь зеленую траву, но цвет – это свойство, определяемое особенностями твоего зрительного аппарата. Как ты докажешь, что твое ощущение тождественно реальности, которая стимулировала его? И то, что за твоим ощущением действительно что-то было, вызвавшее его, если будешь основываться только на данных ощущений? Ты ответишь, что все люди на твоём месте увидели бы то же самое, но, во-первых, это не так, потому что есть больные и дальтоники, а, во-вторых, даже если все видят одинаково, где гарантия, что это не следствие одинаковости зрительного аппарата у всех людей, а существа с другим строением увидят нечто другое. Ты уже задумался и готов согласиться, что трава возможно сама по себе и не зеленая, как мы ее видим; возможно и все другие свойства ее определяются особенностями наших органов чувств, но уж в самом существовании источника наших ощущений сомневаться как будто

нельзя. Пусть это какое-то материальное образование, пусть нечто идеальное, но это нечто существует. Хорошо, но что тогда осталось от истины? Нечто существует. Конечно, нечто существует, ведь ты же понимаешь, что существуешь сам. Однако не мало ли этого для истины? Сказать так, значит, ничего не сказать».

Наш обыватель повержен в раздумье, но на помощь ему спешат древние *философы-догматики* и наперебой начинают предлагать свои взгляды на истину. Одни – *киреники* – говорят, что вообще не следует рассматривать вопрос об истинности содержания ощущений. Истина – «не то, что в нем, не содержание ощущения, но оно само как ощущение». Мы ощущаем, что трава зеленая, и вот само это ощущение есть истина. Нет, говорят другие – *элеаты* – ощущения обманывают нас. Они не в силах поспеть за вечнотекущим бытием, и только мышление способно проникнуть в неизменную истинную сущность явлений. Мы должны довериться нашему мышлению, и если, например, движение немыслимо (оно противоречиво с точки зрения мышления, потому что тело не может одновременно быть и не быть в данной точке), то значит в самом деле движения не существует, и бытие едино и неподвижно.

Истинным, вступает в спор Демокрит, можно признать только то, что лежит в основе вещей, что является причиной явлений. Явление в самом деле зависит от воспринимающего аппарата человека, но сущность явлений независима от человека и его органов чувств, и поэтому ее-то и можно назвать истиной объективной. «Дело в том, что в природе нет теплого и холодного, но форма (атом), изменяя свое движение, производит также изменения в нас»².

Истинны не вещи, не нечто телесное, всегда находящееся в движении и становлении, а вечные неподвижные идеи вещей, утверждает Платон. Они идеальные образ-

цы, с которыми сообразуются вещи. Но значит, продолжает Теофраст, чем больше каждая вещь соответствует своей природе, тем ближе она к истине. «Ибо, разумеется, лучшее истиннее худшего и здоровое состояние тела истиннее больного. Действительно, здоровое состояние более соответствует природе»³.

Чтобы познать истину, вступает в беседу Аристотель (продолжая мысли Демокрита об истине как причине явлений, но, представляя нахождение истины не как отдельный разовый акт, а как уходящий в неопределенную даль процесс), мы должны последовательно углубляться в изучение причин явлений. «Наиболее истинно то, что для последующего есть причина его истинности. Поэтому и начала вечно существующего всегда должны быть наиболее истинными: они ведь истинны не временами и причина их бытия не в чем-то другом, а, наоборот, они сами причины бытия всего остального»⁴. На таком понимании истины держится современная наука, стремящаяся проникнуть все дальше вглубь материи в уверенности, что она все более полно познает истину. Постигание истины предстает у Аристотеля как исследование, и его вправе называть одним из основателей научного способа мышления. Сциентисты определенно могут записать Аристотеля в свой лагерь. Аристотель продолжает: «Исследовать истину в одном отношении трудно, в другом легко. Это видно из того, что никто не в состоянии достичь ее надлежащим образом, но и не терпит неудачу, а каждый говорит что-то о природе и поодиночке, правда, ничего или мало добавляет к истине, но когда это складывается, получается заметная величина»⁵. В общем, каждый несет по зернышку в мешок абсолютной истины. Тут не может удержаться от восторга представитель диалектического материализма: «Да

здесь Аристотель выразил мысль о возможности сбора относительных истин в истину абсолютную и предвосхитил самого Ленина!»

Платон – античный созерцатель, для него истина уже существует, ее надо только вспомнить. Аристотель встает на путь исследования, но для него истина также существует. Однако в спор философов опять вмешивается античный скептик и говорит: «Каждый из вас, догматиков, имеет свою концепцию истины. Но именно то, что вы спорите между собой и не можете прийти к согласию относительно того, что есть истина, свидетельствует о том, что никакой объективной истины не существует. Ведь если, как говорит один из вас, Протагор, “человек есть мера всех вещей”, а все говорят розно, то где же истина? Не лучше ли принять положения, выдвинутые еще Горгием: “Одно (положение) – именно первое – гласит, что ничто не существует; второе – что если что-либо существует, то оно непознаваемо для человека, третье – что если оно и познаваемо, то все же по крайней мере оно непередаваемо и необъяснимо для ближнего»⁶. Первое положение Горгия основывается на объективной диалектике Гераклита («нельзя дважды войти в одну и ту же реку»). Ведь если признать, что все течет и изменяется, значит все становится и ничто не пребывает как сущее. Абсолютизация становления в гераклитовской диалектике послужила основой *онтологического скептицизма*. Второе положение Горгия включает в себя сомнение в возможности с помощью чувств или разума адекватно отразить существующее. Основой данного вида скептицизма также служит объективная диалектика, но в ее познавательном аспекте (*гносеологический скептицизм*). Бытие течет сквозь человеческие ощущения, как вода сквозь пальцы и ничто не задерживается, поэтому мы не можем

сказать, что нечто познано нами, даже если оно существует объективно. Нельзя познать нечто, существующее объективно и независимо от человека в том виде, в каком оно существует, именно потому, что, по определению, оно независимо от субъекта познания. Третье положение Горгия гласит, что если человек и может что-либо познать, он не способен адекватно выразить и передать свое знание другому, поскольку сущность языка не тождественна сущности познанного (*лингвистический скептицизм*).

Скептики подчеркивали относительность познания, огрубление и схематизацию им действительности. Апории Зенона и многочисленные парадоксы, приводимые Секстом Эмпириком (например, парадокс о зерне и куче: одно зерно не составляет кучи, два – также и т. д., прибавление каждого последующего зерна не создает кучи, значит ее вообще не может быть), демонстрируют это очень ярко. У догматиков оставался один сильный аргумент против скептиков: «Как вы можете высказывать какие-либо суждения и претендовать на истинность своих положений, если сами считаете, что истины не существует. Вы говорите: «Я знаю, что я ничего не знаю». Но почему вы уверены в истинности данного положения? Откуда вы знаете, что ничего не знаете?» Последний античный скептик Секст Эмпирик вынужден был согласиться с этим положением и подвел итог античному скептицизму и в какой-то мере всей античной философии, завершив ее сомнением в своих собственных взглядах. «Я не знаю, – сказал он, – знаю я что-нибудь или нет».

Борясь против показательного знака, который явным образом указывает на неявное, скептики фактически боролись против возможности теоретического знания. «... скептики очень остроумно сравнивают тех, кто возится с вопросом о неявных предметах со стреляющими во мра-

ке в какую-нибудь цель. Ведь, как можно предположить, что кто-нибудь из стрелков промахнется, а кто-нибудь и попадет? Но кто попал и кто промахнулся, остается неизвестным, так приблизительно и многочисленные рассуждения отправляются в глубокой тьме скрытой истины на ее поиски; но какое из них соответствует истине и какое противоречит ей, нельзя узнать, так как искомое далеко от ясности»⁷. Так в образной форме Секст выразил основную идею скептической философии, с которой видимо согласятся и многие ее противники, как наверное и с таким утверждением: «А желать представить, что явления не только явствуют, но и существуют, есть дело людей, не удовлетворяющихся для нужды необходимым, но старающихся урвать и возможное»⁸. В том-то все дело, что люди не ходят удовлетворяться необходимым в мышлении, которое по своей природе свободно, и данная неудовлетворенность – один из мощных стимулов развития философии. Скептицизм неразрывно связан с философией и наукой. «Единственное в своем роде стремление к знанию, познанию, исследованию неизвестного, редкого, удивительного и такой же единственный в своем роде скепсис к тому, что говорится и выдается за истинное, было тем, что определило сознание науки»⁹.

Как это ни покажется странным (в философии, впрочем, мы должны привыкнуть к странностям) самый последовательный скептицизм открывает дверь истине, пусть даже только возможной. Если «я не знаю, знаю я что-нибудь или нет», то может я все-таки что-либо знаю? Казалось бы, грустный итог античной философии на высшей точке своего скептицизма неожиданно подает надежду.

Концепции истины Нового времени

В Средние века споры об истине поутихли, но те ветви древа проблемы истины, которые мы обнаружили в античной философии, прослеживаются в своем развитом и модифицированном виде в трудах философов Нового времени. Пригласим их продолжить беседу.

Философской «ночи» средневековья, когда место свободного поиска истины занимало следование авторитетам церкви и Откровения, положили конец Ф.Бэкон и Р.Декарт, провозгласившие два важных методологических принципа поиска истины, имевших целью преодоление догматического (здесь это слово употреблено в своем современном значении не критического следования определенным положениям, а не в античном значении высказывания каких-либо положений, претендующих на позитивное решение проблемы) мышления. Имеется в виду бэконовская борьба с «идолами» и декартовское сомнение. При общности стремления к свободному поиску истины, эти мыслители расходились между собой по вопросу о критерии истины, то есть о том, что именно (если не авторитет) может удостоверить нахождение истины. Р.Декарт, положивший начало *западному рационализму*, считал критерием истины ясность и отчетливость суждений, а Ф.Бэкон – родоначальник *английского эмпиризма* – объявлял таковым опыт, человеческие ощущения. В соответствии с данным различием в критерии Г.В.Лейбниц в «Монадологии» выделил два рода истины: *«истины разума и истины факта»*. Истины разума необходимы и противоположение им невозможно; истины факта случайны, и противоположение им возможно». Сам Г.В.Лейбниц отдавал предпочтение истинам разума.

Если эмпирики продолжали линию, идущую от кире-наиков, то рационалисты следовали концепции истины, идущей от элеатов. Концепцию истины, представленную английским эмпиризмом, можно назвать *эмпирической концепцией истины*. Концепцию же истины, развитую континентальным рационализмом, можно назвать *рациональной концепцией истины*. Под эгидой рационализма велись рассуждения о субстанциях, и именно субстанция с ее свойствами (атрибутами) объявлялась пристанищем истины. Английские эмпирики подвергли критике представление о субстанциях: Дж.Локк – духовную субстанцию, Дж.Беркли – материальную. Дж.Локк в своем учении о первичных и вторичных качествах пытался определить несубстанциональную объективную истину. В сущности, рационалисты и эмпирики шли сходными путями. Первичные (т. е. объективные) качества Локка так же относились ко вторичным (субъективным) качествам, как атрибуты рационалистов (истинные, т. е. субстанциональные) относились к модусам.

Но и эмпирическая, и рационалистическая концепции истины скоро обнаружили свои уязвимые места и сами стали подвергаться декартовскому сомнению. Прежде всего сомнение вызвали введенные критерии истины. Одни и те же положения могли казаться одним ученым ясными и отчетливыми и на этом основании объявляться истинными, другим, наоборот, туманными и поэтому относиться к ложным. То же самое по отношению к критерию опыта. Из одних и тех же опытных данных следуют самые разнообразные суждения. Какие из них признавать истинными, а какие ложными? Исходя из уязвимости критериев истинности, подвергались сомнению теории разделения качеств на первичные и вторичные и представления о субстанциях, атрибутах и модусах. На арену снова вышли скептики.

Эмпирик Д.Юм и несколько позже рационалист И.Кант, продолжая линию античного скептицизма, существенно поколебали казавшиеся прочными «доказательства» наличия объективной истины как независимой от человека. По И.Канту, самое возможность человеческих ощущений определяется наличием априорных (доопытных) форм созерцания, присущих человеку. Существа с другим строением чувствительного аппарата, по видимому, будут все воспринимать мир совершенно иначе. Или все же прав Ф.Энгельс, писавший, если бы люди имели шестое чувство, они не смогли бы благодаря ему открыть в мире ничего качественно нового? В любом варианте заслуга Канта состоит в том, что он еще раз указал на проблематичность суждений, выходящих за рамки представлений, определяемых чувствительным аппаратом человека. Как не можем мы быть уверены, что поделили отрезок точно на две равные части, а можем только утверждать, что поделили его с точностью, определяемой возможностями нашего зрения, так же и в истине (если считать ее эмпирической) мы можем быть уверены только с точностью наших органов чувств. Аналогично, самое возможность человеческого знания, по И.Канту, определяется наличием данных априорных форм мышления у человека. Именно они придают форму всеобщности вырабатываемым наукой законам, тогда как иначе из того, что, скажем, солнце каждый день всходит и заходит нельзя было бы сделать вывод, что оно взойдет и завтра. Канту, таким образом, принадлежит обоснование возможности существования научной истины.

По словам Э.Гартмана, «тогда как греческая философия тщетно мучалась над невозможным требованием в самом познании найти признак, которым бы свидетельствовалась его истина, Кант приступил к делу гипотетически

и спросил: не говоря о том, есть ли истинное познание, спрашивается, какого рода должны быть метафизические условия для его возможности?.. Первым и основным условием возможности всякого познания нужно признать однородность мышления и его трансцендентно-объективного предмета, ибо при разнородности мышления и вещи просто невозможно никакое соглашение обоих, т. е. истина»¹⁰. Условие однородности мышления и предмета выполняется только при принятии гипотезы тождества бытия и мышления, и именно указание И.Канта на условия постижения абсолютной истины стимулировало создание объективно-идеалистических систем Ф.Шеллинга и Г.Гегеля, в которых принятие данного тождества обещало нахождение истины. Принимающий принцип тождества бытия и мышления должен утверждать, что в основе бытия лежит мысленная сущность, идея, и приходит, таким образом, к абсолютно-му идеализму, в рамках которого только и возможно представление об абсолютной внечеловеческой истине. Здесь, по-видимому, находится ключ к замечанию Г.Гегеля о том, что истинная философия не может быть материалистической. Материализм не способен обосновать философски (и поэтому пытается перевести разговор на практическую почву), как мысль может постичь немысленную сущность, а без этого все материалистические выводы оказываются построенными на песке.

Тождество бытия и мышления, впрочем, можно интерпретировать и материалистически, понимая под этим, что в основе мышления лежит немысленная сущность и что в процессе развития мышления оно все больше будет уподобляться немысленной природе, из которой оно образовалось. Данное воззрение, однако, противоречит направлению эволюции на Земле, а еще один серьезный аргумент против него заключается в том, что

при таком подходе невозможно объяснить творческий характер мышления, которое оказывается каким-то отклонением от объективного постижения сущности вещей. Действительно, творчество тогда представляется в виде незрелого отражения, как принимается в материализме. Агностицизм оказывается логически преодоленным материалистами за счет отказа от объяснения сущности творческого процесса.

Вернемся к Г.Гегелю. Немецкий философ разделяет *истину как соответствие объекту* и *истину как соответствие понятию*. «Обыкновенно мы называем истиной согласие предмета с нашим представлением. Мы имеем при этом в качестве предпосылки предмет, которому должно соответствовать наше представление о нем. В философском смысле, напротив, истина в своем абстрактном выражении вообще означает согласие некоторого содержания с самим собой. Это, следовательно, совершенно другое значение истины, чем вышеупомянутое. Впрочем, более глубокое (философское) значение истины встречается отчасти также и в обычном словоупотреблении; мы говорим, что например, об *истинном* друге и понимаем под этим такого друга, способ действия которого соответствует понятию дружбы; точно так же мы говорим об *истинном* произведении искусства»¹¹. Тут же Г.Гегель сообщает, что только истина в философском смысле возможна. «Но все конечные вещи имеют в себе неистинность, их существование не соответствует их понятию. Поэтому они должны пойти ко дну, и эта их гибель служит проявлением несоответствия между их понятием и их существованием»¹².

Г.Гегель отличает от истинности правильность. «Истинность и правильность очень часто рассматриваются в повседневной жизни как одно и то же, и соответ-

ственно этому часто говорят об истинности некоторого содержания там, где дело идет об одной лишь правильности. Последняя вообще касается только формального согласия нашего представления со своим содержанием, какой бы характер ни носило это содержание помимо этого. Истина же, напротив, состоит в согласии предметов с самим собой, т. е. со своим понятием. Пусть будет совершенно правильно, что такой-то болен, или такой-то украл; но такое содержание не истинно, ибо больное тело не соответствует понятию жизни и точно так же воровство есть поступок, не соответствующий понятию человеческой деятельности»¹³. Отличая истинность от правильности, Г.Гегель следует Платону. «Дурное тело или больное государство могут все же существовать; но это предметы неистинные, ибо их понятие и их реальность не соответствуют друг другу»¹⁴.

На основе понимания истины как соответствия объективной реальности, которое подвергает критике Гегель, сложилась в методологии науки так называемая классическая концепция соответствия (*корреспондентная концепция истины*). Основателем корреспондентной концепции мы в согласии с другими авторами (в частности, Х.Патнэмом) считаем Аристотеля. Развиваемое со ссылкой на Платона представление Гегеля можно назвать концепцией истины как идеала (*идеальной концепцией истины*).

В послекантовской философии идеальная концепция истины не могла не завоевать признания. Как античные скептики подточили античную концепцию соответствия, так Кант в Новое время поставил на ней крест введением непознаваемых вещей-в-себе. И как христианство возродило вопреки античному скептицизму концепцию истины как деятельности Богочеловека, так Гегель возродил

в послекантовской философии концепцию истины как соответствия идеалу и как процесса движения к его осуществлению.

Идеальная концепция истины зиждется на семи краеугольных камнях: 1) истина как Дао (Китай); 2) истина как Единое (Индия); 3) платоновская концепция истины как соответствия миру идей; 4) гераклитовская концепция истины как процесса; 5) христово «Я есмь путь и утверждение истины»; 6) гегелевская концепция истины как возвращения Абсолютной Идеи к себе самой; 7) современный научный принцип глобального эволюционизма. Гегелевское определение истины как соответствия понятию делает, между прочим, логически неуязвимым то представление о смысле жизни, которое развито в последующей части работы.

Понимание истины Г.Гегелем соответствует представлению здравого смысла об истине как о чем-то хорошем, об идеале, к которому должно стремиться. Но сам идеал представляется Гегелю как идеал объективный, реализующийся в людях и через них. Истина у Гегеля, как и у Платона, представляет собой идею («Идея есть истина, ибо истина состоит в том, что объективность соответствует понятию, но и все действительное, поскольку оно есть нечто истинное, есть идея»), но его истина тотальна. Истинное «как *конкретное* есть развертывающееся в себе самом и сохраняющее себя единство, т. е. *тотальность*». Поскольку Гегель считал истиной мысленное образование – Абсолютную Идею, постольку он естественно стоял на позициях рационализма («единственно лишь мысль может узнать высочайшее, истину»¹⁵, и это определяло его отношение к эмпирической науке. Истина как тотальность есть для Гегеля высший род истины, не достижимый для эмпирической науки так-

же и потому, что та имеет дело только с частными предметами. «Истинное... есть, напротив, как раз то, что не имеет в себе таких односторонних определений и не исчерпывается ими, а как тотальность совмещает в себе те определения, которые догматизм признает незыблемыми и истинными в их раздельности»¹⁶. Гегель продолжал здесь идеи, известные еще гностикам. «Истина едина, она является множеством, и (так) ради нас, чтобы научить нас этому единству посредством любви через множество»¹⁷. Подобные мысли доминируют и в индийской философии.

Развивая аристотелевское представление о достижении истины как исследовании, Г.Гегель представил самую истину как диалектический процесс: «Истина есть движение истины в самой себе»¹⁸. Представление об истине как процессе может быть названо *исторической концепцией истины*, поскольку она предполагает развитие мира (правда, не бесконечное). Если же мы отбросим гегелевское представление об Абсолютной Истине как начале и конце пути, то в рамках *эволюционной концепции истины* получим представление об истине как процессе трансформации энергии Большого взрыва в духовную энергию, осуществляемом на каждом этапе эволюции последовательно неживой природой, растениями (которые В.И.Вернадский в своем учении о биосфере назвал трансформаторами солнечной энергии в биологическую), животными и, наконец, человеком.

Основываясь на диалектике, Г.Гегель пытался вообще преодолеть дилемму истинного и ложного. Истинное и ложное составляют единство, «и ложное составляет момент истины уже не в качестве ложного. *Догматический* способ мышления в знании и в изучении философии есть не что иное, как мнение, будто истинное состоит в положении, которое есть прочный результат, или также в

положении, которое знают непосредственно. На вопросы вроде: когда родился Цезарь, сколько футов содержалось в стадии и т. д. ответ должен быть дан *безукоризненный*, точно так же, как определенно истинно, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов двух других сторон прямоугольного треугольника. Но природа такой так называемой истины отличается от природы философских истин»¹⁹. Поскольку истина саморазвивается, постольку то, что нам представляется ложным, есть лишь момент развития истины, и таким образом Гегель приходит к утверждению, противоположному тому, к которому пришел античный скептицизм, а именно: все истинно в своем развитии.

Таким образом, анализ показывает, что рассмотрение проблемы истины в философии Нового времени в своих существенных моментах продолжало развиваться по тем же самым линиям, по которым шло рассмотрение данной проблемы в античной философии, хотя выводы, к которым приходила новая философия, могли быть и диаметрально противоположными. Все это говорит о сложности и запутанности проблемы, в дальнейшем анализе которой мы попытаемся выделить некоторые стержневые направления, важные в плане обоснования нашей точки зрения на ее решение.

Подводя итог рассмотренному выше, можно сказать, что существует большое количество концепций истины. При желании их можно свести к двум (например, материалистическая и идеалистическая), к трем (например, концепция соответствия, концепция согласия и концепция полезности), к четырем, пяти и т. д. Имеют место сочетания, в которые объединяются две или три концепции. В принципе в любой великой философской системе присутствует свое понимание истины. Это, так сказать, копилка истин,

из которой каждый может выбрать или сконструировать собственное представление. Существует также большое количество классификаций истины. Например, Дж.Локк различал истины высказываний, нравственные и метафизические истины. Мы в дальнейшем рассмотрим соотношение истин факта, разума и веры и соотношение надчеловеческой, общечеловеческой и индивидуальной истин.

Соотношение истин факта, разума и веры

Г.В.Лейбниц разделил истины факта и истины разума. Позже И.Кант обосновал положение, что любое утверждение истинности по отношению к вещам в себе включает компонент веры. И.Канту мы обязаны также представлением о неразрывной слитности в научной истине истин опыта и истин мышления. Проблематичность истин мышления самих по себе Кант показал на одинаковой обоснованности противоречащих друг другу доказательств, не опирающихся на показания органов чувств. С агностицизмом можно бороться лишь путем принятия гипотезы тождества бытия и мышления. Только тогда можно говорить о познании абсолютной истины. Пока же не уверуешь в справедливость данного принципа, будет точить червь сомнения в истинности познания.

После охлаждения интереса к гегелевской философии, в которую компонент веры входил в неявной форме принятия гипотезы тождества бытия и мышления, участились попытки решить проблему истины на основе явного использования понятия веры. В данном направлении, в частности, развивалась русская философская мысль конца XIX – начала XX века, а именно то ее течение, которое основывалось на христианских идеалах (в религиозной

философии и богословии аспект веры всегда имел перво-степенное значение), так что можно говорить отдельно о *теологической концепции истины* как веры.

Русский философ В.С.Соловьев продолжал развивать гегелевскую концепцию тотальности и становления истины. Истина – «то, что есть (сущее). Но есть все. Итак, истина есть все. Но если истина есть все, тогда то, что не есть все, т. е. каждый частный предмет, каждое частное существо и явление в своей оторванности от всего, – не есть истина, потому что оно и не есть в своей оторванности от всего: оно есть со всем. Итак, все есть истина в своем единстве, или как единое... полное определение истины выражается в трех предметах: сущее, единое, все»²⁰. Представление об истине как всеединстве можно назвать *целостной концепцией истины*. Все существующее, отдельные части которого связаны друг с другом, и получило название всеединства.

Истина для В.С.Соловьева – абсолютная ценность, принадлежащая самому всеединству, а не нашим ощущением и суждениям. «...истина не только вечно есть в Боге, но и становится в человеке, а это предполагает, что она еще не есть, предполагает в нем двойственность между истинною (всеединством) как идеалом и неистинною (отсутствием всеединства), как фактом или наличной действительностью, – предполагает, что эта наша действительность не соответствует правде Божией. Соответствие между ними, еще не существующее, только устанавливается в процессе мировой жизни, поскольку истина становится в действительности»²¹. Это подводит Соловьева к определению значения компонента веры. «Познание вообще есть относительное бытие субъекта и предмета или взаимоотношение обоих; смотря по тому, какой из двух терминов преобладает, это отношение (познание) являет-

ся в форме ощущения или же в форме понятия. Но отношение предполагает относящихся и безусловная истина определяется прежде всего не как отношение или бытие, а как то, что есть в отношении, или как сущее»²².

«И несомненно, что во всех человеческих существах глубже всякого определенного чувства, представлений и воли лежит непосредственное восприятие абсолютной действительности, в которой сущее открывается как безусловное единое и свободное от всех определений. Это внутреннее восприятие безусловной действительности, не связанное ни с каким определенным содержанием, само по себе одинаково у всех, какие бы различные названия ему не давались»²³. «Единая, свободная от всех определений», абсолютная истина, по Соловьеву, невыразима. «Это безусловное существование, которое не может быть действительно дано ни в моих ощущениях, ни в моих мыслях, которое не может быть предметом, ни эмпирического, ни рационального познания, и которым, однако, это познание обуславливается, – составляет, очевидно, предмет некоторого особого, третьего рода познания, который правильнее всего может быть назван верою»²⁴. Вера в сущее имеется у нас, по-видимому, по аналогии с нашим собственным существованием. «Таким образом, мы вообще познаем предмет или имеем общение с предметом двумя способами: извне со стороны нашей феноменальной отдельности, – знание относительное, в двух своих видах, как эмпирическое и рациональное, и изнутри, со стороны нашего абсолютного существа... знание безусловное, мистическое»²⁵.

Познание изнутри отнюдь не является иллюзорным для тех, кто не сомневается в объективном источнике веры. Продолжая ту же линию русской религиозной философии, Н.А.Бердяев писал: «Познать истину значит по-

знать сущее. Познать сущее нельзя извне, можно только изнутри. Во внешнем объективировании сущее не познается, оно умерщвляется. Лишь углублением в микрокосм познается макрокосм. Углубление же в микрокосм не есть субъективизм, это разрыв всех граней субъективизма. В глубине человека заложена реальная вселенная, в нем живет вселенский разум, и найденная в человеке вселенная и вселенский разум всего менее могут быть названы человеческим субъективизмом, субъективным человеческим переживанием. Это путь реализма, универсализма, а не путь индивидуализма, субъективизма, идеализма»²⁶.

«Мы познаем истину не умом только, но и сердцем», – писал Б.Паскаль. Это и будут истины веры. Истины факта познаются чувствами, истины разума – умом, истины веры – сердцем. Хотя истины веры открываются человеку изнутри в его внутреннем опыте, тем не менее, они все же более проблематичны, чем истины факта и разума, что объясняется отсутствием их общезначимой достоверности. Истины факта представляют собой общие для всех и для большинства людей показания органов чувств. Они общечеловечны, поскольку возможные случаи индивидуальных отклонений за истинные не признаются. Истины разума общезначимы гораздо в меньшей степени, поскольку даже такой критерий, как непротиворечивость суждений не признается всеми (например, диалектиками). Чем в большей степени истина разума в содержательном плане поднимается над истиной факта, тем в меньшей степени она обладает общезначимостью. Еще дальше в этом направлении идет истина веры, которая может не иметь «ни малейшего доказательства правильности» (К.Лоренц), и в то же время, в которой человек убежден. «Чтобы найти для своего стремления к познанию хотя бы по видимости прочное основание, человек

необходимым образом должен принять некоторые положения в качестве твердо установленных истин, “подставив” их, как архимедовы точки опоры под конструкцию своих умозаключений»²⁷.

Истина веры в принципе совершенно индивидуальна, поскольку проистекает из внутреннего опыта каждого. Конечно, и истина веры может стать общезначимой через доверие к авторитету, но в этом случае для ее сознательного принятия необходимо волевое усилие. «Человек мыслящий уже понял, что на этом берегу у него нет ничего. Но ведь для того, чтобы вступить на мост и пойти по нему, нужно усилие, нужна затрата сил. А вдруг эта затрата ни к чему?.. я отказываюсь от боязливой опасения, что со мной будет, и решительным взмахом делаю себе операцию. Я покидаю край бездны и твердым шагом вбегаю на мост, который, быть может, провалится подо мной»²⁸.

Концепция истины веры в основном развивалась на теистическом материале. При этом предполагалось, что истина существует предвечно в виде содержания безусловного сознания. «Всякое искание истины-смысла предполагает ее как синтез, уже заверченный раньше всякого нашего суждения»²⁹. За пределами теологии такая посылка, разумеется, излишня. В философии XX в. концепцию истины как веры развивал Б. Рассел, который полагал, что «... истина и ложь принадлежат прежде всего верованиям... Я могу верить, что сегодня четверг, как в четверг, так и в другие дни. Если я верю в это в четверг, то имеется факт, — а именно, что сегодня четверг, — к которому мое верование имеет некоторое особенное отношение. Если я верю в то же самое в другой день недели, то такого факта нет. Когда верование истинно, я называю факт, благодаря которому оно истинно, его “верификатором”»³⁰.

Еще одним направлением послекантовского отношения к истине было стремление вывести ее за пределы сознания (где она, если принять кантовское представление об априорном характере разума, не могла находиться) в область бессознательного. Начало положил Ф.Шеллинг, а продолжил Э.Гартман и западная психология со времен З.Фрейда, причем развитие данного направления сопровождалось повышением интереса к индийской философии, в которой истина располагалась в сфере бессознательного. Такое понимание истины представляет собой особый вариант истин веры, поскольку в них нельзя утвердиться с помощью опыта и мышления.

В каком соотношении находятся истины факта, разума и веры? Великое разделение между эмпириками и рационалистами проходило по тому пункту, какую именно истину – факта или разума – считать более истинной. Гегель противопоставил научной истине, представляющей синтез истины опыта и истины разума, философскую истину как высший род истины (ее можно назвать синтезом истины мышления и истины веры). Философы-мистики и теологи отдавали предпочтение истинам веры. В.С.Соловьев поставил задачу «ввести религиозную истину в форму свободно-разумного мышления и реализовать ее в данных опытной науки»³¹. Истина веры должна находиться в согласии с истиной разума и истиной опыта. «Если истина веры не может стать истиною разума, не может стать истиною и для него, не имеет, следовательно, над ним силы, то разум тем самым имеет основание отрицать эту истину; если эта истина не может стать истиною и для опыта, то опыту, науке ничего не остается, как отвергнуть ее»³².

Общераспространенная точка зрения гласит, что вера не имеет ничего общего со знанием, получаемым наукой. Научные истины опираются на мышление и чувствен-

ные данные, религиозные же истины – на авторитет и откровение. Часто утверждают, что вера не обязательно истинна, поскольку верить можно во что угодно. На самом же деле связь между наукой и верой более органична. Современная теория познания утверждает, в частности, в лице Б.Рассела, что в основе научных положений, признающихся истинами, лежит восприятие, базирующееся на ощущении, дополненном верой, источник которой – прошлый опыт человека.

Важную роль веры подчеркивал и основоположник концепции личностного знания М.Полани. «Наука есть система убеждений, к которой мы приобщены. Такую систему нельзя объяснить ни на основе опыта (как нечто видимое из другой системы), ни на основе чуждого какому-либо опыту разума... Доведя нас до данной точки зрения, логический анализ науки явно обнаруживает свою ограниченность и выходит за свои пределы в направлении формулировки науки на основе принципа доверия»³³. Недаром говорят: «доверяй и проверяй», подчеркивая, что необходимо и первое и второе.

В гуманитарных науках ситуация еще сложнее, чем в естественных. «Каждый из нас должен, в пределах возможного, считать верифицируемость идеалом всякого познания. Но нужно признаться, что этот идеал очень редко достигается, и те исследователи, которые стремятся достичь его буквально, большей частью ничего не могут сказать об истинно важных вещах»³⁴.

Чем больше мы сомневаемся в существовании реального мира, объявляя его не существующим или гипотетическим, тем больше область веры и истин веры, что хорошо понимал еще священник-философ Дж.Беркли. «Позиция, согласно которой существование мира “там вовне” недоказуемо, не препятствует логикам и теоретикам науки в

это *верить*»³⁵. Называть ли то, во что веришь, истиной или гипотезой, как говорится, дело вкуса (который тоже, кстати сказать, рассматривается в качестве критерия истины). Если вера достаточно сильна, ее объект заслуживает названия истины, если нет – то это лишь гипотеза.. Веру можно рассматривать как результат интуиции, но сама интуиция представляет собой, как считал К.Лоренц, «хорошую способность к распознаванию образов», бессознательный, но отнюдь не сверхъестественный, рациоморфный процесс, когда нечто кажется истиной, хотя и не подлежит строгому обоснованию. И все же с чисто языковой точки зрения гипотеза и вера не одно и то же. Современный языковой дрейф (особенно при использовании иностранных слов) снижает эмоциональность восприятия. Назовите убийцу киллером и отношение к нему изменится. Назовите веру гипотезой и изменится отношение к ее объекту. За то, во что веришь, можно отдать жизнь, за гипотезу вряд ли кто пойдет на смерть.

Предположение, что предмет исследования реально существует, необходимо, по К.Лоренцу, чтобы исследование имело смысл. Выделяют различные разновидности реализма: наивный, критический, строго критический, естественный, внутренний, гипотетический. Возникает вопрос: не является ли модный в настоящее время гипотетический реализм современным вариантом субъективного идеализма? На него следует ответить отрицательно. Субъективный идеализм существует в двух формах: берклианской и кантовской. Первую называют еще солипсизмом, и она отвергает реальное существование вещей, не наблюдаемых в данный момент. Кантовская концепция называется субъективным идеализмом в переносном смысле. Имеется в виду, что реальность существует независимо от человека, но предстает ему в виде, определяемом

особенностями воспринимающего аппарата человека. Гипотетический реализм рассматривает реальность в том виде, в каком она предстает перед нами, как гипотезу, т. е. не отрицает возможность адекватного познания природы.

Можно говорить также об *эволюционном реализме*, имея в виду потребность и оправданность реализма для целей выживания, и эволюционное развитие познавательного аппарата человека. В процессе эволюции устанавливается соответствие между человеком и окружающей его действительностью. Рассуждая об истинности высказываний, Гадамер обратил внимание на то, что «нет такого высказывания, которое можно понять только по показываемому им содержанию, если хотят постичь это высказывание в его истине»³⁶, так как «всякое высказывание имеет предпосылки, которые оно не высказывает»³⁷. В основе любого высказывания, как полагал Гадамер, лежит вопрос. «Если это высказывание, которое должно быть истинным, то нужно самому попытаться поставить вопрос, ответом на который оно может быть»³⁸. В широком плане вопросы человеку ставит сама жизнь. Для того, чтобы выжить, а тем более жить достойно, человек должен чувствовать, познавать и верить. Этим определяется значение истин факта, разума и веры для целостной истины в плане эволюционного реализма. В соответствии с этим пониманием речь в заключительном разделе статьи пойдет об эволюционном критерии истины.

В элементарном акте восприятия оказываются воедино слитыми опыт, мышление и вера. С этим же мы встречаемся и в мышлении. Что такое декартовские ясность и отчетливость в качестве критериев истинности положений разума как не определенная вера? Истины веры имеют место даже в научном познании, и уж тем более в религии, мифологии, мистике. Так как все отрасли куль-

туры взаимозависимы, в любой из них имеет место взаимодействие истин факта, разума и веры. «Заблуждение, будто лишь рационально постижимое или даже лишь научно доказуемое составляет прочное достояние человеческого знания, приносит гибельные плоды», – предостерегал К.Лоренц³⁹.

Целостная истина представляет собой синтез чувственного опыта, мышления и веры. Она состоит из трех уровней, низший – фактов, средний – разума, высший – веры. Конечно, можно отсечь от истины высший уровень, а то и средний, но тогда истина станет неполной, куцей. Вера дополняет факт и разум до целостности, но она нужна и на двух низших уровнях. Отметим, что в сетевой модели обоснования научных теорий Л.Лаудана аксиология, методология и фактуальные утверждения взаимодействуют на всех уровнях исследования.

От века к веку, от одной культуры к другой относительный вес каждого компонента меняется, но все они присутствуют и в восприятии, и в мышлении, и в вере. Вера необходимо присутствует также и в материализации идеальной истины, поскольку уверенность в успехе дела важна для его осуществления. Тесная связь веры с истиной не только прослеживается в философии, но и присутствует в духе народа, закрепляясь в его языке. Созвучие слов *вера* и *верно* вряд ли случайно. Язык точно отражает нюансы изменения психологии народа, и слово «*наверное*», которое в XIX в. выражало уверенность в успехе, в XX в. употребляется для обозначения предположительности. Причина смыслового дрейфа, несомненно, связана с разрывом между представлением о вере и представлением об истине, причиной которого послужило ослабление под влиянием господствующей идеологии веры в истинность Откровения, а также общее влияние нашего рационалистического века.

Если касаться этимологии слов, то следует упомянуть, что слово «истина» происходит от «есть», которое ведет к санскритскому глаголу *es* – дышать, жить, и латинскому *os* – рот, и стало быт к слову «ест». Дыхание, в свою очередь, через воздыхание связано с любовью. Через латинское *veritas* идет связь с русским словом «вера» и немецким *währen* – беречь, охранять, и *wehren* – возбранять, быть сильным. А корень *var* идет от санскритского *vr̥ta-m* – священное действие, обет. От истины идет также слово «истый» – «настоящий, какой должен быть». Так истина связана с дыханием, жизнью, бытием, любовью, силой, бережливостью, верой, священнодействием, долженствованием.

Через понятие дыхания истина связана с понятием духа, что подтверждают русские пословицы: «Истина (в смысле естество, сущность. – *А.Г.*) человеческая не в плоти, а в духе его», «Свет духа – истина». Если человек духовен, то истиной и носителем ее становится он сам. В христианстве Дух Святой называется Духом истины. Русские пословицы утверждают деятельность истины: «Кто за правду горой, тот истый герой».

Между верой и знанием не должно быть пропасти, и если вера в научную истину ведет к знанию, то и научное знание должно вести к признанию истин веры. Вера, опыт, мышление представляют собой три неразрывные компоненты целостной истины, разделяемые лишь условно при давлении какой-либо одной. В своей отвлеченности каждая из них несет в себе элементы ложности. Последние особенно заметны, когда две или три компоненты истины приходят в противоречие друг с другом, и, наоборот, аннигилируют, когда все три компоненты находятся в состоянии синтеза. Действительно, истины опыта не могут иметь самостоятельного значения, поскольку

воспринимаются как таковые только через сознательные усилия разума. Истины мышления также не имеют самостоятельного значения, поскольку сами направляются и поверяются духом, и поскольку дух в своей глубине бес-сознателен, то часто об истине свидетельствует внутреннее чувство, выступающее на поверхность сознания в виде верования. Истина – гармония между ощущением, мышлением и верой при главенстве последней как выражающей глубочайшую инстанцию духа и души.

«Истина, – писал Л.Фейербах, – не в мышлении и не в знании как таковом. Истина в полноте человеческого существа»⁴⁰, проявляющейся в единстве духа и души. С совершенно иных, теологических позиций к этому же выводу приходит священник-богослов А.Ухтомский. «Я понял, что истина приобретается и постигается не умом человека и не его чувством, а делается открытой лишь гармоническому устремлению умственных и сердечных сил к добру и правде... И как для усвоения отдельным человеком истины необходимо собрание всех сил человека, так для познания высшей Богооткровенной Истины нужно собрание – *Собор* – гармония всех любящих сердец, чтобы общими силами любви и ума воспринять верховную истину»⁴¹.

Говорят, что человек не способен постичь истину, поскольку его мышление рационалистично и не охватывает бытие во всей его текучести и многообразии. Эту точку зрения впервые обосновал немецкий философ Ф.Г.Якоби. Она верна по отношению к попыткам найти истину в мышлении, но человек не только рациональное существо, но чувствующее и верящее, и именно данное обстоятельство позволяет познать истину.

Любая истина, высказанная о материи или Боге, представляет собой истину разума и чувства, основная часть которой открывается непосредственно как вера, по-

сколько бессознательное человека недоступно внешнему чувству и осознанию. Компонента веры необходима именно потому, что в ней находит свое выражение бессознательное человека. Истины веры, мышления и чувств дополняют друг друга до целостной истины. Ощущение без мышления и веры слепо, мышление без ощущения и веры бесп проблемно, вера без ощущения и мышления обманчива. Как природа человека, утверждающаяся в его личности, едина и неразложима без ущерба на дискретные образования, так и истина, органом которой она (личность) является, целостна в своей глубочайшей основе⁴².

То, что истина не умещается в рамках собственно мышления, ставит под вопрос возможность ее ясного, рационального представления. Гностики справедливо указывали: «Истина не пришла в мир обнаженной, но она пришла в символах и образах»⁴³. Как же в таком случае быть с декартовским критерием ясности и отчетливости суждений? Он остается как регулятив, выражающий стремление мыслительной компоненты истины представить целостную истину в возможно более простой и понятной форме. Если мы говорим, что истина проста, то именно потому, что удалось снять с нее символическое одеяние и разрушить воздушные замки лжи над бытием, которые закрывают его. Когда сквозь все нагромождения показывается истина как открытость, которую старательно скрывали, удивляешься ее простоте и прозрачности.

Самоуверенность человека, идущая, быть может, от того, что он самый могущественный вид на планете, убежденность в том, что он венец творения, способный узнать все, что существует в мире вне его самого, как раз дает ему основания (как это ни парадоксально) отрицать потребность в вере и мешает осознать неизбежность этой компоненты целостной истины. Но современная теория

познания разбивает наивный реализм науки. Если ощущения определяются чувствительным аппаратом человека, а положения чистого разума эмпирически непроверяемы, то непонятно, почему следует принимать в качестве объективной истины согласие ощущения и мышления. Тем более, что позитивистская программа сведения теоретических утверждений к базисным эмпирическим положениям оказалась несостоятельной.

Из всех истин важнейшая для человека – истина смысла жизни, но она тем более не может быть только опытной (так как человек не только чувственное, но и разумное существо, и по самой своей сути слово «смысл» предполагает разумную деятельность) или только разумной (так как чистый разум сам в себе противоречив). Истина смысла – это и истина веры, поскольку нельзя почувствовать смысл извне, но можно, обосновывая данное понимание смысла, уверовать в него.

Соотношение надчеловеческой, общечеловеческой и индивидуальной истины

Есть истины, признаваемые всеми (дважды два четыре), они могут быть названы общечеловеческими; есть признаваемые группой или классом людей (истина классовая потому, что в ее состав входят и групповые интересы, поскольку человек – представитель определенного класса); есть, наконец, истины, признаваемые только отдельными личностями как результат индивидуального жизненного опыта. Последние, конечно, могут претендовать на роль общечеловеческих и даже надчеловеческих, но данное разделение все же легко провести. В каком соотношении находятся эти истины?

Ответ на данный вопрос искали еще на заре философии. Для философии греческой с той ролью, которую в ней выполнял Логос, основополагающее значение имела истина общечеловеческая. «Так вот этот общий и божественный разум, через участие в котором мы становимся разумными, Гераклит называет критерием истины. Отсюда заслуживает доверия то, что является всем вообще (ибо это воспринимается общим и божественным разумом), а то, что является кому-либо одному, то неверно по противоположной причине»⁴⁴.

Эту точку зрения восприняла новоевропейская философская мысль. Принцип однозначности и всеобщности истины сформулировал Декарт. «Существует лишь одна истина касательно каждой вещи, и кто ее нашел, знает о ней все, что можно знать»⁴⁵. Для Гегеля истинно только то, что обще всем людям, что соответствует их родовой природе и становящейся через человека Абсолютной Идее. «Мышление по своему содержанию истинно лишь постольку, поскольку оно углубилось в предмет, а по своей форме оно не есть особенное бытие или действие субъекта, а состоит лишь в том, что сознание как абстрактное ведет себя как освобождение... от всяких частных свойств, состояний и т. д. и производит лишь всеобщее, в котором оно тождественно со всеми индивидуумами»⁴⁶.

Если встать на точку зрения всеобщности истины, которая преобладала в западной философии в Новое время и в соответствии с которой истинно в нас только то, что всеобщее, а мышление приобретает истинность, отказываясь от всех индивидуальных свойств мыслящей личности, тогда путь к истине лежит через отказ от всего индивидуального. Но если мое индивидуальное не может быть истинно само по себе, то вполне логично предположить,

что я сам как индивидуум не истинен, а истинен только как носитель свойств рода. Тогда моя уникальность – лишь видимость, «снятая» действительностью рода.

Признание в качестве единственной лишь всеобщей истины основывалось часто на следующей посылке: истина существует в единственном числе где-то вне человека, и поэтому различные люди не могут иметь различающиеся друг от друга истины. Скептики подрывали веру в эту гипотезу. «Если бы истина была вне нас, то мы никогда не могли бы сказать, что достигли ее... если бы философы даже и нашли истину, они все же не могли бы знать, достигли ли они ее» (Секст Эмпирик). Недооценка личностного характера истины – одна из основных причин крушения задачи деятелей эпохи Просвещения – осветить людей светом всеобщего разума. Казалось, что достаточно постигнуть истину, которая понималась как универсальная и сообщить ее людям, как все с радостью ее примут и заживут истинной разумной жизнью.

Однако еще Сократ понял, что даже если истина в своей основе действительно одна для всех, каждый должен прийти к ней самостоятельно. Нельзя извне навязать человеку истину (силой или убеждением) или одарить его ею, так же как нельзя насильно спасти его. Чтобы быть принятой, истина должна соответствовать индивидуальной природе того, к кому обращена. И мало провозгласить ее, надо еще самому на практике следовать ей, так как единственный способ эффективного воздействия на других – собственный пример.

Мы выходим здесь на проблему воспитания, а точнее самовоспитания. Нельзя воспитать человека, действуя подобно герою эпиграммы Измайлова: «На столб философ Петр наш походит – указывает путь, а сам по нем не ходит». Понимая все это, Сократ специально изобрел метод

приведения людей к истине в процессе спора, с помощью которого собеседник приходил к истине самостоятельно. Сократ пытался решить проблему, которую деятели Просвещения просто не замечали или не хотели замечать. Но если мыслители той эпохи честно заблуждались, то за современными разговорами о всеобщей истине нельзя не видеть идеологической попытки навязать собственную истину, встав в позу пророка.

Претензии говорить от лица Абсолюта особенно подробно обосновал Гегель. Истина проявляет себя через отдельного человека, но это не истина собственно Гегеля или кого-то еще, а истина Абсолютной Идеи, говорящей устами Гегеля. Подобные честолюбивые наклонности особенно на руку идеологам, пытающимся выдать свои интересы за общечеловеческие, и не удивительно, что Маркс взял на вооружение гегелевскую концепцию истины, материалистически перетолковав Абсолютную Идею. Последняя как стена стоит на пути стремления человека к собственной личной истине.

После того, как гегелевская система подверглась сокрушительной критике, наметилась тенденция индивидуализации истины. В то же время авторитарность гегелевской концепции истины закрепились в марксистской идеологии, обеспечив ей «научность», а бурный прогресс науки, основывающейся на признании общечеловеческих истин, требовал продолжения развития теоретических исследований именно в направлении повышения статуса всеобщих истин. Уходящее из области собственно философии обрело права на жизнь в русле сциентистских идей. Правда, в этом случае общезначимость истины аргументировалась не Божественным Разумом или Абсолютной Идеей, а абстрагирующей способностью человеческого мышления. «Действительно, в широком смысле слова, вся-

кое восхождение по ступеням абстракции уменьшает разницу между мирами отдельных людей... Это является причиной того, почему физика в ее стремлении избавиться от различий в индивидуальных восприятиях постепенно становится все более абстрактной. В этом также причина того широко распространенного среди философов взгляда, что всякое истинное познание является скорее рациональным, чем чувственным, и что интеллект ведет к освобождению сознания, тогда как чувства держат нас в рамках личной ограниченности. Если не брать в расчет логику и чистую математику, то в этих взглядах есть *элемент* истины, но не более того, так как во всяком эмпирическом познании освобождение от данных чувственного познания может быть только частичным. Это освобождение, однако, может быть доведено до такой степени, когда истолкования того или иного данного предложения двумя людьми могут почти наверняка быть или оба истинными, или оба ложными. Сохранение этого результата является одной из тех целей (более или менее неосознанных), которые направляют процесс развития научных понятий»⁴⁷.

Наука стремится подняться над индивидуальными истинами к истинам общечеловеческим путем абстрагирования от личностного. Постольку, поскольку это возможно, она поставляет родовые истины, полезные для прогресса человеческого рода и общения людей. Однако в человеке всегда будет жить потребность личной истины как формы существования его индивидуальности, и слишком сильное давление на личность должно вызывать противодействие, идущее от сознания права человека на свою индивидуальную истину. Родовая истина не удовлетворяет человека полностью именно потому, что он не только представитель вида *Homo sapiens*, но также уникальная индивидуальность.

Истины науки, хотя и общечеловечны, но с известными ограничениями. В генетическом отношении научная истина индивидуальна, поскольку является плодом конкретного человека. Нынешняя родовая – это прошлая индивидуальная истина. То обстоятельство, что психологизм научной деятельности, против которого боролась гносеология неокантианцев и других направлений, изжить нельзя, свидетельствует, что научное познание даже в своих высших формах не достигает полной обезличенности. Сциентисты вынуждены согласиться с тем, что познание возможно только как акт индивидуальной деятельности человека. Конвенционализм А.Пуанкаре есть признание, что в основе научных истин лежат истины индивидуальные и переход от одних к другим совершается через добровольное согласие ученых. От А.Пуанкаре идет *концепция истины как согласия*, в соответствии с которой истиной признается то, с чем согласно большинство специалистов в данной области исследований.

Философские истины еще в меньшей степени, чем научные, имеют отвлеченный, обезличенный характер. Поэтому они не являются чисто научными, а синтезируют истины науки, искусства, религии и морали. Точно так же, как целостная истина является синтезом опыта, мышления и веры, она не сводится к одной родовой, а отражает и индивидуальность, присутствующую в каждом человеке.

Аристотель приводит такой аргумент против понимания истины Протагором. «В самом деле, если все то, что мнится и представляется, истинно, все должно быть в одно и то же время и истинным и ложным. Ведь многие имеют противоположные друг другу взгляды и считают при этом, что те, кто держится не одних с ними мнений, заблуждаются; так что одно и то же должно и быть и не быть. И если это так, то все мнения по необходимости со-

вершенно истинны, ибо мнения тех, кто заблуждается и тех, кто говорит правильно, противоположат друг другу»⁴⁸. Для Аристотеля, разработавшего законы формальной логики, одно (истина) не может одновременно быть или не быть. Тогда любое мнение следует признать истинным, что, по Аристотелю, абсурдно и лишает вообще смысла проблему истины. Однако основатель формальной логики упускает из виду, что истина лежит в более глубокой плоскости, чем формально-логическая. Истина создается в глубинах индивидуального бессознательного и поэтому все рациональные способы доказательства ее, основанные на формально-логическом мышлении, имеют для нее далеко не главное значение. Индивидуальностный характер истины отнюдь не противоречит логическим законам, поскольку индивидуальные истины принадлежат разным внутренним мирам, а стало быть имеют отношение не к одному, а к разным предметам.

То, что человек принимает за истину, во многом зависит от его отношения к бытию, которое всегда личностно окрашено. Любимого видят не таким, как другие, но это столь же истинное видение. «Всем известно, что при любви непременно бывает особенная идеализация любимого предмета, который представляется любящему в другом свете, нежели в каком его видят посторонние люди. Я говорю здесь о свете не в метафорическом только смысле: дело тут не в особенной только нравственной и умственной оценке, а еще в особенном чувственном восприятии: любящий действительно видит, зрительно воспринимает не то, что другие. И для него, впрочем, этот любовный свет скоро исчезает, но следует ли отсюда, что он был ложным, что это была только субъективная иллюзия?»⁴⁹. Видение любимого человека субъективно и в то же время несомненно истинно. Прав и «смешной че-

ловека» Достоевского, заявлявший: «Но неужели мне не все равно, сон это или нет, если сон этот возвестил мне Истину? Ведь если раз узнал истину и увидел ее, то ведь знаешь, что она истина, и другой нет и не может быть, спите вы или живете». Истина для одного может совершенно не восприниматься другими – люди отличаются друг от друга и поэтому неизбежно разнятся их истины, не переставая быть таковыми.

Субъективистское понимание истины развивалось в направлении все большей индивидуализации ее. Если прагматическое: «человек есть мера всех вещей» можно толковать и в общечеловеческом и в личном смысле, то анархист М.Штирнер ясно провозгласил: «не человек – мера всему, а я – эта мера... Один ты – истина, или, вернее, ты – больше, чем истина, которая перед тобой ничто... ибо ценность ее не в ней самой, а во мне; сама по себе она не имеет никакой ценности»⁵⁰. «Для меня нет истины, ибо ничто не стоит надо мной»⁵¹. «Истина то, что принадлежит мне... Я – критерий истины»⁵².

Субъективистскую концепцию истины развивали экзистенциалисты. Смысл ее в том, что целостная истина всегда индивидуальна, она живет в человеке своей самостоятельной жизнью. Это не такая его часть, как, скажем, рука, которой легко можно управлять, и не одежда, которую можно снять. Истина растет в человеке и ни чувство, ни разум сами по себе не в состоянии совладать с ней. «Я» не стоит над истиной, как полагал М.Штирнер, а скорее идентифицируется с ней, и сама личность становится через прояснение и созидание истины. Именно поэтому не только споры ведут к истине, но и истина ведет к спорам. В спорах об истине, которые не всегда столь безобидны, как академические дискуссии, являет себя глубочайшая суть человека, его душа и дух, обычно дремлющие в за-

ботах быта. И не только мы говорим об истине, но наша истина свидетельствует о том, какие мы, так что, перефразируя, можно сказать: «Скажи мне, что ты думаешь об истине, и я скажу тебе, кто ты». Говоря об истине, мы говорим (если, конечно, искренни) о себе. Когда человек начинает говорить об истине, наступает «момент истины» в отношении его самого. Каждый, кто серьезно относится к истине, может сказать о другом, как Аристотель о Платоне: «Ты мне друг, но истина дороже». Споры вообще, а тем более споры об истине, выполняют важную когнитивную функцию. И даже в тех людях, которые отрицают истину, сколько порой наивной веры в правоту своих слов! Но ведь если истины действительно нет, то и слова «истины нет» неистинны, а стало быть истина есть. Утверждения «истина есть» и «истины нет», по существу тождественны. Так сам язык сопротивляется отрицанию истины. В определенном смысле истина выше человека как физического существа, так как человек умирает, а истина остается. Выдвинутое экзистенциалистами представление об истине как несокрытости, откровенности бытия можно назвать *экзистенциальной концепцией истины*.

По мнению К.Ясперса, обязательность науки кончается там, где достигнуты истинные вопросы человеческого бытия: конечность, вина, смерть (в «пограничных ситуациях»). В противоположность понятию научной истины, которая безлична и всеобща, выдвигается понятие экзистенциальной истины. Но и с самой наукой все далеко не так просто. М.Полани, выдвинувший концепцию личностного знания, считал, что полученные в процессе научной деятельности знания не могут быть деперсонифицированы. «Я показал, что в каждом акте познания присутствует страстный вклад познающей

личности и что эта добавка – не свидетельство несовершенства, но насущно необходимый элемент знания»⁵³. Более того, «...любой процесс исследования, не руководимый интеллектуальными эмоциями, неизбежно потонет в тривиальностях»⁵⁴. Такое знание продолжается в целостном практическом действии. «Интеллектуальная самоотдача – это принятие ответственного решения, подчинение императиву того, что я, находясь в здравом сознании, считаю истинным. Это акт надежды, стремление исполнить долг в рамках ситуации, за которую я не несу ответа и которая поэтому определяет мое призвание»⁵⁵. Высокое место, которое М.Полани отводит интуиции, заставляет вспомнить концепцию Н.О.Лосского и других интуиционистов.

Значение компоненты веры и личностного знания косвенно подтверждается наличием непрекращающихся споров в философии и науке. Л.Лаудан, исследовавший эту проблему, как бы удивляется тому, что даже в науке, не говоря о философии и религии, «ученые ссорятся слишком часто и по многим важным вопросам, чтобы трактовать научные разногласия как небольшие отступления от нормы консенсуса... Часто оказывается верным, например, что ученые, которые делают все возможное, чтобы следовать принятым нормам незаинтересованности, объективности и рациональности, обнаруживают, что они приходят к весьма расходящимся выводам»⁵⁶. Разделение может иметь место «по вере». «Поставленная таким образом проблема консенсуса оказывается проблемой динамики конвергенции ряда разнообразных вер»⁵⁷.

Значение философов, признававших субъективность истины, в том, что они защищали от нападок идеологов область личной истины, в которой индивид мог забар-

рикадироваться. Наличие такой истины придает человеку устойчивость в становлении его индивидуальности. Отрицание ее есть отрицание самого человека.

Экзистенциалисты противопоставляли два рода истины – объективную (в смысле общепринятой) и субъективную (как индивидуальную). Возможно, более точно говорить о родовых и индивидуальных истинах (строго говоря, все человеческие истины субъективны и объективны в одно и то же время), находящихся в единстве, поскольку некоторая часть индивидуальной истины общечеловечна, а последняя становится из истин индивидуальных.

Истина – единство, реально присутствующее внутри человека. Она – Моя истина, но частично Твоя, Его, Общечеловеческая, Космическая. Истина индивидуальна, поскольку создается в отдельном человеке, хотя чем-то похожа на истины других – ведь во всех людях есть общее. Родовые части истины, общие для всех людей, обусловлены одинаковым строением чувствительного и мыслительного аппарата; личные связаны с индивидуальным опытом человека. Обычно последние считаются истинами второго рода, но это не так, если только не признавать существования надчеловеческого (Бога, судьбы, законов) как полностью определяющего поведение каждого индивида. Истины, наиболее важные для определения поведения человека, личны, так как самые важные поступки человека связаны с его индивидуальным опытом. Родовым истинам он следует автоматически, личные – переживает.

Со времен Гегеля утверждается, что истина конкретна. «...если истинное абстрактно, то оно не истинно», – писал Гегель в «Лекциях по истории философии». Истина конкретна, но не потому, что конкретна внешняя реальность (тогда пришлось бы принять понимание истины

киренаиками), и не потому что конкретна совокупность абстрактных определений (тогда пришлось бы вслед за Гегелем признать понятие сущностью явлений), а потому что присуща конкретному человеку и вырастает в нем как вполне конкретное реальное образование.

Рационалисты правы, утверждая, что истина не дается в чувственных восприятиях, но ее нет и в разуме как таковом. Истина создается в единстве души и духа личности, ядре целостности человека⁵⁸. Обычно говорят: «поиск истины». Но истина не есть нечто, находящееся вне человека. И ее нельзя найти как, скажем, клад. Истина становится в человеке, но не как Абсолютная Идея. Ее любовно растят в себе на индивидуальной почве внутренней природы и проясняют в мысли. «Истина не есть отвлеченная ценность, ценность суждения. Истина предметна, она живет, истина – сущее, существо. «Я емь истина». Поэтому истина – путь и жизнь. Поэтому знать истину значит быть истинным... Познание истины есть перерождение, творческое развитие, посвящение во вселенскую жизнь»⁵⁹. Здесь нет волюнтаризма, потому что далеко не каждое слово можно объявить истиной – оно должно соответствовать индивидуальной природе. Такое понятие истины близко понятию истины как соответствия предмета самому себе, т. е. идеальной концепции истины, о которой говорилось выше. Называют друга истинным, говорят об истинном произведении искусства, но представление об идеале друга и искусства создается в природных глубинах духа и души. Подобный взгляд отвечает общему направлению русской философско-религиозной мысли на обожение личности, внутреннее принятие Христа в противоположность католической устремленности во вне, к Богу.

В выражении «Я есмь истина» Я не просто эмпирическая данность, человеческое существо в его реальном функционировании (которое есть лишь условие становления истины), а некое индивидуальное сознание-бытие, по терминологии экзистенциалистов. «Я есмь истина» – не значит, что освящается и признается истинным любой поступок человека, или что он ничего не должен делать для своей истины, поскольку она сама бессознательно создается в нем. Для формирования истины нужен соответствующий насыщенный раствор – впечатления жизни, причем именно те из них окажутся пригодны, которые соответствуют ядру кристаллизации – духу. Точно так же далеко не каждую мысль или поступок можно признать истинным, а только то, что соответствует ядру целостности человека.

Хотя до некоторой степени можно влиять на бессознательное формирование истины, поставляя соответствующий материал, все же истина представляет собой свободный результат духовно-душевного развития человека. Ее путь – путь творчества, а не отражения. Истина вообще свободна от необходимости физического мира, хотя последний – необходимая предпосылка ее становления. Дух человека вообще был бы невозможен, если бы человек захотел удовлетвориться необходимым в мысли.

Внешняя необходимость никогда не может стать истиной; она то, что скрывает истину от нас («В царстве насильственной власти видимых вещей правда поругана и распята» – Н.А.Бердяев). Человек борется с опутывающим его миром природной необходимости, с системой идеологического воздействия, с давлением других индивидуальностей, пытающихся превратить его в орудие осуществления своих желаний. Социальное и природное окружение создает внешнюю

сокрытость индивидуальной истины, мешает человеку прорваться к ней. С другой стороны, именно среда предоставляет вспомогательные средства для творения истины. Истина создается бессознательно, поскольку дух бессознателен в своей основе, но для формирования ее необходима сознательная жизнь, дающая сознательные впечатления. Мы не только ощущаем свою истину во внутреннем опыте в виде чувства справедливости, а пытаемся найти ее сознательно выраженные части в религиозных культах, абстрактных положениях науки и философских произведениях. Философия – сознательный голос истины. Стремление достичь истину – главная пружина философствования. Восклидая при чтении книги «это – правда», мы приходим к фиксации части своей индивидуальной истины. В то же время как целостное образование мы постигаем ее через собственное творчество, которое представляет собой выплескивание на поверхность сознания индивидуальной истины. Как мыслительную сущность истину можно назвать идеей, но это не одна Абсолютная Идея, а множество индивидуальных.

Истина не то, что человека заставляют говорить обстоятельства, не признания под дулом пистолета, а то, что внутренне признается таковой. Попытки найти истину вне себя – в природе, обществе, – идут от неверия в собственные силы и кончаются отчаянием, когда научное и идеологическое обоснование поведения не дает истинного успокоения и уверенности в себе. Истина тождественна в своей основе с внутренним Я человека; неистинность же есть несоответствие самому себе, и самое страшное – умереть, не обретя истину, стало быть, загубив в себе «искру Божию» как способность к становлению истины, живущую в природе человека.

Истина – процесс и результат творения себя по природе своей, душой и духом, осознаваемыми лишь приблизительно. Конечно для достижения истины надо быть уверенным во внутренней предрасположенности к ней, но ведь истина как соответствие объективной реальности вне нас не менее проблематична, поскольку доказать наличие абсолютной истинности внечеловеческой реальности нельзя. Вопрос упирается в веру в тождественность бытия и мышления. Тем, кто не верит в эту гипотезу, а настаивает на качественном своеобразии двух соотносимых вещей, наличие абсолютной объективной истины не докажет и видимый прогресс знания. Если внешнее познание идет по определенным линиям, а предмет его – плоскость, сколько ни продвигайся вперед не придешь к абсолюту. Можно «познать» больше, чем есть в мире (как Ахиллес может перегнать черепаху), но сравняться с ним нельзя. Называемое истиной в эмпирических науках не что иное, как подтвержденность гипотез экспериментом; в нормативных науках – соответствие узаконенному; в логике – непротиворечивость положений друг другу. Можно говорить о непротиворечивости мышления, имея в виду соответствие его с законами логики, но это совсем не то, что его истинность.

Если истина бытия понимается не как копия действительности, а как сама действительность, то тем более индивидуальную истину, живущую внутри нас, истину преимущественно о внутреннем мире, следует рассматривать не как отражение последнего, а в качестве его самого. Причем это верно не только в отношении той части истины, которая говорит о внутреннем мире, но и в отношении истины целостной. Входит ли в нас действительность как имманентная знанию, или знание есть

конструкция субъективных и объективных элементов – в любом случае верно, что истина о мире находится в нас. Следование ей – путь к истине и путь истины.

Истину нельзя открыть и даровать свыше людям, которым остается только с благодарностью принять ее. Истина зарождается на почве индивидуального духа и добывается самостоятельно. Если мы внутренне считаем нечто истиной, а другие люди говорят: нет, истина совсем иное, – и мы идем за ними под влиянием авторитета или силы, мы предаем свою истину. Когда все вокруг лживо, а в качестве примера высшей лжи предстает господствующая идеология, ничто не способно остановить человека от падения, кроме внутренней индивидуальной истины. Если он не будет прислушиваться к ней, если *его истина* умерла в нем, он сам погиб безвозвратно. Истину не дает ни церковный авторитет, ни народный вождь, ни ученый. Это не означает, что нужно прозябать в невежестве, ожидая, когда истина осенит. Она создается как свободный творческий результат переработки всех ранее созданных индивидуальных истин, и чем-то похожа на них, чем-то отлична, внося свою лепту в строительство Дворца Истины. Защищать личную истину конечно труднее, чем истину, которую открыл Божественный Разум или преподнесла идеология, но приятнее и почетнее.

Индивидуальность истины отнюдь не означает, что «...с моей смертью умрет и истина»⁶⁰, как считали материалисты, для которых восприятие истины как истины их жизни, было поэтому трудным. Человек устанавливает свои идеалы, свою истину, как нечто вневременное, противостоящее потоку бытия. Свойство вневременности неотъемлемо присуще истине. «Все истинное остается, все ложное краткосрочно»⁶¹. Истина неизменна, и душа и дух как средоточие индивидуальности неизменны, в то

время как материя тела многократно меняется. Поэтому человек именно как индивидуальность представляет собой истину. Индивидуальность истины можно обосновать тем фактом, что только каждый для себя при всех обстоятельствах неизменен, и лишь он есть, следовательно, истина для самого себя.

Как цель и результат истина неизменна; как процесс – находится в постоянном развитии. Истинное познание есть обнаружение, прояснение, сознательное постижение индивидуальной истины. Человек должен предпринять волевое усилие для того, чтобы прояснить истину в познании и иметь мужество следовать ей. Тот, кто живет по приказу или старается делать все так, как другие, не живет по-истине. Истина его постепенно чахнет, не имея выхода к свежему воздуху мира. «Познавать истину, значит быть истинным», – писал Ф.Баадер. – Но истину надо заслужить и потому познание истины есть подвиг цельной жизни духа... есть творческое совершенствование бытия»⁶². Истину может познать только тот, кто истинен сам. Ведь истина рождается в человеке и познает он прежде всего себя. Познающий и познаваемое сливаются воедино. Это до такой степени верно, что если в том, что пишешь, чувствуется какая-то фальшь или просто режущий слух диссонанс, то скорее всего не от непродуманности концепции (истину нельзя продумать, она мгновенно открывается как горизонт, к которому должно идти, а это и составляет главную трудность), а от того, что еще не встал на путь истины.

Познание истины тождественно жизни по истине. Здесь соединяются идеи знания и блага, мышление и деятельность. Истина – внутренний мир, который создают в себе одновременно с познанием его. А кто кичится тем, что знает истину, да еще не просто свою индиви-

дуальную, а общечеловеческую, космическую, и учит людей, как жить по ней, но сам не придерживается ее, считая, что поднялся выше ее как своего творения, тот не знает истину. Быть выше истины нельзя, как нельзя быть выше самого себя. Ее можно только достичь, если встать во весь рост, преодолев притяжение к земле и вообще к телесному и выпрямив рабски скрюченный позвоночник. Люди научились прямохождению, став таким образом людьми в физическом смысле, но многие могут быть отнесены к духовным пресмыкающимся, не имеющим своего взгляда на жизнь, даже боящимся задуматься по-настоящему. Они духовные пылинки, которые несет ветер поверхностной моды, отживших догм и демагогии; «мыслящий тростник» в том плане, что духовно не стойки и подвержены так называемым господствующим влияниям. Более того, они никогда не пытались растить в себе свою истину, а скорее были готовы ее взять, купить, отнять. Но чужая истина никогда по-настоящему не привьется в душе. «Истина открыта для всех, ею никто не завладел»⁶³, и это потому, что свою истину можно вырастить только самостоятельно.

Все, что существует, имеет истину в себе. Отказ от телеологии и единого плана творения определяет отказ от представления об одной над- или общечеловеческой истине. Обычный взгляд на вещи настолько искажает себе в угоду цели любой индивидуальности, что не дает права претендовать на истинность знания ее. Человек, который пытался бы объяснить теленку, что истина его жизни в том, что он должен быть в жареном виде подан к столу, вряд ли оказался бы более справедливым, чем волк, который в басне Крылова на вопрос ягненка, чем он виноват перед ним, ответил: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

Признание личностного характера истины, однако, отнюдь не означает, что любое мнение следует признать истинным, как полагал, скажем, Д.И.Писарев («Воззрения не могут быть ни истинны, ни ложны: есть мое, ваше воззрение, третье, 4-е и т. д. Которое истина? Для каждого свое»⁶⁴). Хотя пословица утверждает, что, сколько людей, столько и мнений, не всякое мнение заслуживает названия истины. Истину надо вырастить в себе в борьбе с господствующими мнениями и обстоятельствами, что требует больших усилий, духовных и душевных. Не удивительно поэтому, что убеждения мудрецов и мучеников всегда почитались более истинными, чем мнения обычных обывателей. Не все люди достигают своей истины. Но каждый человек имеет право на нее, равное с другими. Конечно ближе к истине тот, в ком представление о ней никогда не умирает и определяет все поступки.

Возникает один трудный вопрос: не будет ли индивидуалистическая трактовка истины вести к разобщенности людей и релятивизму, служить источником конфликтных ситуаций, когда каждый станет в ущерб другим преследовать свою истину. На это можно ответить так. Во-первых, истина лежит в духовно-душевной сфере, а интеллектуальные споры не перерастают в конфликты, если за ними нет желания удовлетворить материальные интересы. Во-вторых, в каждой индивидуальной истине есть общеродовая часть. И, в-третьих, никто не доказал, что люди не могут подходить друг к другу своими уникальными частями истин. Люди ценны друг для друга тем, что в них есть отличного, а не общего. Не исключено, что все индивидуальные истины при своем полном развитии могут слиться в одну, хотя не следует начинать с этой посылки. Вопрос о монизме и плюрализме истины решается практически в процессе ее достижения. Здесь мы имеем в виду, конечно,

не попытки превращения индивидуальной истины тирана в общую для всех. Объединение индивидуальных истин может быть только добровольным.

Может показаться, что наука, давая родовые истины, лучше способствует объединению людей, однако родовые истины имеют лишь вспомогательное значение. Полное единение наступит не тогда, когда все поверят в торжество научных истин и откажутся от истин индивидуальных, а когда люди почувствуют родство своих целостных истин.

Обретая свою истину, формулируя ее при помощи культуры, прорываясь к ней путем становления индивидуальности и прежде всего становления индивидуального духа, человек поистине становится Человеком. Личностью не рождаются, а становятся, собственным потом и кровью завоеывая это звание. Цель жизни – найти и утвердить свою истину. Культура выступает как способ постижения истины, а жизнь – как способ утверждения ее через становление индивидуального духа, поскольку истина утверждается в сфере духа, а духовное творчество предполагает неуклонное становление динамичной, а не статичной в своей основе истины.

Хотя с понятием истины мы встречаемся прежде всего в философии, надо быть готовым к тому, что целостное представление об истине скорее всего находится не в философии как дисциплине, а в духе народа, в котором истина бессознательно функционирует. Поэтому следует рассмотреть, какие представления об истине развиты в духе различных народов, в истории культуры, верований, языка. В психологии народа и в его культах бессознательно закрепляются особенности народного духа и находят свое воплощение в языковых структурах. Целостная концепция истины, выражающая свойственное русскому

духу представление о единстве, истины, добра и красоты отражена в русском слове «правда», которое представляет собой синтез понятий истины и справедливости⁶⁵. В самом деле, если истина представляет собой единство человеческого опыта, мышления и веры и принадлежит целостному человеку, обладающему нравственным и эстетическим измерениями, то следовательно находится она в единстве с добром и красотой, и язык отражает данный синтез. Концепция индивидуальной целостной человеческой истины дает возможность связать истину с добром и красотой, тогда как концепция объективной внечеловеческой истины моральна и эстетически нейтральна, если не считать ее теологических интерпретаций.

Наличие индивидуального компонента целостной истины не позволяет, на наш взгляд, абсолютизировать относительность знаний. Момент релятивизма присутствует в познании, поскольку индивидуальная истина является необходимым компонентом целостного знания, а человек несовершенен. Но данное обстоятельство не мешает верить в возможность абсолютной истины, как верующему ничто не мешает верить в рай. В вечную жизнь (как и в Россию, вспоминая знаменитую строчку Ф.И.Тютчева) можно *только* верить, но для истинно верующего этого достаточно.

Хотя И.Кант, казалось бы, закрыл вопрос о надчеловеческой истине, но то, что вера в нее остается жива, свидетельствует о том, что самотрансценденция является сущностным свойством человека. Представление о надчеловеческой истине функционирует в качестве содержания человеческого мышления и уже в силу этого включается в полную человеческую истину. Общечеловеческая же, или родовая, истина есть прежняя индивидуальная, достигшая иного ранга. Можно

сделать вывод, что аналогично неразрывному единству в целостной истине компонентов опыта, мышления и веры, существует единство в ней надчеловеческой, общечеловеческой и индивидуальной истины. «...никто из нас не охватывает своим мнением всю истину, но, однако, полная истина может охватить нас обоих в наших отдельных мнениях»⁶⁶. Целостная истина в этом плане также состоит из трех уровней – индивидуального, общечеловеческого, надчеловеческого, хотя они иные, чем описанные в предыдущем разделе. Данные уровни располагаются в другой плоскости. На каждом из них есть свое сочетание истин факта, разума и веры.

Такое представление можно рассматривать как вариант концепции истины как согласия, имея в виду, что здесь, как и в случае рассмотрения соотношения истин факта, разума и веры, речь идет не о согласии в отношении содержания какого-либо конкретного вопроса, а о согласии между собой различных типов истины и людей, представляющих эти типы.

Виды истины

Истины можно разделять по различным критериям. По критерию субстанциональности истину разделяют на: 1) соответствующую объекту, 2) сам объект и 3) субъект или его особое состояние. Истина во втором и третьем смыслах выходит из-под гносеологического контроля. Различие понимания истины как отражения объекта и как самого субъекта хорошо видно на примере, когда Христос говорит «Я есмь Путь и Истина». Для Христа истина не отражение объекта, а он сам. Путь – это бесконечное движение к истине (в китайской философии он обозначает-

ся термином «Дао»). Истина находится на горизонте, но путь и сам идущий – также истина. Истина – это путь и одновременно результат.

По степени полноты различают истину, верную при всех обстоятельствах безотносительно к чему бы то ни было, в том числе к человеку, и истину, верную только относительно чего-либо другого. Первую истину называют абсолютной, вторую – относительной. Оба типа истины связаны друг с другом. Можно считать, что абсолютная истина складывается из относительных и противопоставляется им; что в истине одновременно содержатся моменты относительности и абсолютности.

Есть две крайности в оценке какого-либо события. Данное утверждение может соответствовать действительности или не соответствовать и быть, таким образом, истинным или ложным. Практический опыт свидетельствует о наличии двух вариантов, один из которых правилен. Например, дождь идет или не идет. Одно из утверждений верно, другое – нет. Если дождь идет, то можно использовать зонтик, если нет – он не нужен.

Мы знаем, что такой дуальный подход по принципу «да – нет» не всегда верен, хотя бы потому, что существуют промежуточные состояния, когда мы сомневаемся есть дождь или нет и раскрывать зонтик или нет. Так же мы порой сомневаемся, кончился дождь или нет, выставляем руку из-под зонтика, чтобы это определить; решаем, что дождь кончился, складываем зонтик, потом открываем его снова и т. д. Мы можем ошибиться, но цель остается неизменной – найти истину, и мы верим, что это возможно.

Так мы поступаем в сфере практики, к которой достаточно приспособились. Сложнее обстоит дело с истиной в том случае, если познание выходит за сферу практики.

Недаром говорят, что практика – критерий истины. Вот мы вышли за сферу обычной практики в область теории, и здесь может оказаться, что истины этих двух сфер противоречат друг другу. То, что в одной сфере привычно считается истиной, не является таковой в другой. Например, люди считали истиной, что Солнце вращается вокруг Земли, видя, что каждый день Солнце всходит и заходит. И вот Н.Коперник создает гелиоцентрическую систему мира, в которой не Солнце вращается вокруг Земли, а Земля вокруг Солнца. Истина теоретическая оказывается противоречащей истине практического опыта. Утверждение, признававшееся истинным, оказывается ложным.

Таким образом, истина может с течением времени обнаружить свою ложность и заменяется на признание истинным противоположного утверждения. Неизменным остается только стремление познать истину в абсолютном смысле как неизменную и ни от чего не зависящую. Все конкретные результаты познания представляют собой истину относительную, причем на бесконечном пути познания она может не только уточняться и усовершенствоваться, но и быть отброшена как ложная. Это относится и к философским утверждениям. Можно сделать вывод: познание бесконечно в смысле стремления к познанию абсолютной истины. На смену сомнению приходит уверенность, что абсолютная истина достигнута в рамках великой философской системы как результат синтеза относительных истин. Через какое-то время сомнение снова берет верх и наступает торжество скептицизма.

Познание в этом смысле аналогично самой жизни. Мы живем, и великая философская система живет. Но наступает момент смерти, и мы умираем. Так же и фило-

софские системы. Разница в том, что духовные произведения не исчезают, а подвергаются сомнению. Умирает вера в них как в абсолютную истину. Относится это к данным конкретным произведениям, как смерть относится к конкретному индивиду. Но само понятие абсолютной истины остается, как остается смерть, убивающая все живое. Как имеет место диалектика жизни и смерти, так в познании имеет место диалектика относительной и абсолютной истины. Неизбежность смерти не дает оснований говорить, что жизни нет. Так же неизбежность сомнения в абсолютной истине не дает оснований говорить, что абсолютная истина отсутствует или что она недостижима. Как момент смерти содержится в жизни, так и момент гибели содержится в претензиях философии на абсолютную истину, и в этом смысле прав Платон, утверждавший, что философствование есть медленное умирание. В философских произведениях содержится момент их гибели, как в жизни содержится момент смерти. В этом смысле сомнение неизбежно в философии. Абсолютное существует в мире как абсолютное только в смысле абсолютности гибели всего существующего. Но даже и это утверждение не будет абсолютной истиной. Итак, абсолютная и относительная истины взаимосвязаны: в относительной истине (путь) есть абсолютная истина (результат). Христос под истиной имел в виду именно абсолютную истину. В христианстве объединяются китайское (Дао) и индийское (Единое) понимания истины.

Истины можно также разделять по отраслям культуры. Каждая отрасль культуры обладает своим представлением о том, что такое истина и как ее достичь, своими методами познания. Соответственно, можно выделить мистическую, художественную, мифологическую, фило-

софскую, религиозную, научную, идеологическую истины. Все они отличаются своим строением. Рассмотрим структуру некоторых видов истины.

Философская истина имеет структуру, которую можно представить в виде следующей формулы.

$$\text{Ф.и.} = \text{И} + \text{Р} (\text{П} + \text{Л} + \text{Д}),$$

где И – интуиция, Р – рациональность, П – понятийность, Л – логичность, Д – дискурсивность.

Философия – первая в истории рациональная отрасль культуры. Но рациональность – часть философской истины. В основе ее лежат интуитивные положения, которые не объяснимы рационально сами по себе. Это допущения о материи, идее, сущности, субстанции и т. д., что Декарт назвал «врожденными идеями», а Платон – идеями, которые душа воспринимает в мире идей, а потом вспоминает в течение жизни, испытывая к ним платоническую (или, как ее назвал Спиноза, интеллектуальную) любовь. Данные интуитивные положения могут быть разными у различных людей, и их различия определяют отличия философских систем и учений. К примеру: представление о мире идей Платона, трансцендентальный мир понятий Канта, тождество бытия и мышления Шеллинга и Гегеля и т. д.

Различия основных философских интуиций потому определяет различие философских систем, что вторая, рациональная часть философской истины в принципе одинакова у всех философов, строясь на одних и тех же законах логики, методах формулирования понятий и способах рассуждения. Так как отсутствуют объективные методы сравнения исходных интуиций, то отсутствует и общезначимый критерий истинности философских систем. Сравнить можно только рациональную часть философских учений.

Иначе выглядит структура научной истины. Она совпадает в своей второй рациональной части с философской истиной (что порой приводит к тому, что научную истину отождествляют с философской), но отличается своей первой частью и схематически выглядит так.

$$\text{Н.и.} = \text{Э} + \text{Р} (\text{П} + \text{Л} + \text{Д}),$$

где Э – эмпирическая информация, получаемая органами чувств.

Истина есть проблема и цель познания, как смысл жизни есть проблема и цель жизни. Истины отдельных отраслей культуры часто пытаются столкнуть между собой, подчинить одну другой (так некогда отказывались признавать, что Земля движется вокруг Солнца, пытаясь поставить религиозную истину выше научной). На самом деле истины отдельных отраслей культуры самостоятельны и относительно автономны, ни одна из них не лучше и не хуже другой. Они одинаково относительны. Полная же абсолютная истина есть совокупность всех частных истин в их бесконечном развитии, т. е. всеединство, или Единое в древнеиндийском смысле.

Критерий истины

Тысячелетние споры о том, что есть истина – сама действительность или наше ощущение, суждение, вера – всегда обосновывались признанием некоего критерия истины, который удостоверял бы достижение ее. Протагор один из первых провозгласил: «человек есть мера всех вещей», не разъяснив, имеется ли в виду человек как представитель рода или индивидуум. Каждый мыслитель предлагал критерии, соответствующие его

общей концепции. Платон, полемизируя с Протагором, заявил, что «Бог есть мера всех вещей», а в Средние века Фома Аквинский утверждал: «Божественная истина есть мера всякой истины».

Со времени И.Канта признается, что говорить об истинности нашего познания в абсолютном смысле по крайней мере строго теоретически нельзя, так как мы не можем ни проверить наше познание, сопоставив его с бытием в себе, ни сравнить его с познаванием других существ. Следует учесть и такие соображения. В чувственном мире все находится в процессе становления. Истина этого мира должна была бы быть непрерывна, но познание дискретно. Адекватное познание такой истины (даже если признать, что истина – то, что в тот же самый момент является и неистинной) невозможно. Если же считать критерием истины положения «чистого» разума, то придем к абсурдным выводам и парадоксам элеатов о неподвижности единого бытия.

В рамках каждой философской системы имелся свой критерий истины. Поэтому если в логике критерием истины всегда считалась непротиворечивость суждений, то в диалектике Гегеля критерием истины признавалось нечто совершенно противоположное: «противоречие есть критерий истины, отсутствие противоречия – критерий заблуждения».

Затруднения с нахождением надежного теоретического критерия истины привели к тому, что им была объявлена практика. Если мы успешны в нашей деятельности, значит мы знаем истину (*утилитаристская концепция истины* как полезности). Такой критерий признавал не только американский прагматизм, но и диалектический материализм. «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью вовсе не вопрос тео-

рии, а практический вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность, посюсторонность своего мышления», – писал К.Маркс в «Тезисах о Фейербахе».

Марксистское представление об истине является вариантом *идеологической концепции истины*, в которой есть своя доля истины. Недаром подмечено, что если бы истина $2 \times 2 = 4$ ущемляла чьи-то интересы, то нашлись бы ее ниспровергатели. А.А.Ивин пишет, что в социальных науках преобладает истина как согласие. В социальных науках – да, но, говоря шире о социальных концепциях, можно заключить, что в них истина выступает скорее как несогласие, и не в последнюю очередь из-за различия интересов.

На наш взгляд, главным критерием истины можно считать *целостный эволюционный критерий*, понимая его в самом широком смысле реализации потребностей и метапотребностей человека, включающих смысл жизни и волю к бессмертию. Выше говорилось о том, что любое высказывание предполагает вопрос. Оно само является ответом на этот вопрос. Если высказывание удачно отвечает на вызов ситуации, то его можно считать истинным. Данный вывод совпадает с тем механизмом эволюции социальных систем, который АТойнби назвал «Вызов-Ответ». Эволюционный критерий никогда не обеспечит единственной для всех людей и на все времена истины именно в силу индивидуальных различий между людьми, эволюционно оправданных и необходимых. Мы обречены на спор об истине.

В эволюционную концепцию истины в широком смысле слова может входить и отказ человека от дальнейшей практики. И тогда можно придти к критерию Г.Марселя: «истина есть то, за что человек может уме-

реть». Человек идет на смерть за истину не только потому, что она ему близка и дорога, он умирает за нее потому, что она – он сам. Без нее он не человек в полном смысле слова; только обладая истиной, он может достойно жить. Слова Марселя предстают в новом свете. Человек в принципе не может умереть за истину, а может только приобрести ее, проверить ее своею смертью за нее и обрести бессмертие. Выражение «умереть за истину» в нашем несовершенном языке означает не что иное, как «родиться по-истине» в вечном ее свете. Рождающийся в истине человек не обычный обыватель, а целостная личность, идущая по пути обожения. Итак, истина есть то, за что человек, становящийся Богом, и вочеловечившийся Бог, могут умереть. Если посмотреть на истину под этим углом зрения, то мы опять возвращаемся к истокам философии, к Сократу, который говорил: «Я ищу только истину» и отдал за эту истину жизнь. И возвращаемся к истокам христианства, к Христу.

ЧАСТЬ II. СМЫСЛ ЖИЗНИ

Скажите, доктор, я буду жить? – А смысл?

Вместо предисловия. Встреча в парке

В предисловии к вызвавшей немалый общественный резонанс книге «Кто сегодня делает философию в России» (М., 2007) ее составитель А.Нилогов пишет: «Современному российскому обществу потребления не следует ждать от философии какой-то практической пользы с ответами на вопрос о смысле жизни. Философия – это не метафизическое страховое общество. Она помогает обрести человеку самость, найти себя, но отнюдь не в виде примитивных психологических решений». Из контекста следует, что смысл жизни относится к «примитивным психологическим решениям», тогда как представление о смысле жизни как раз и помогает человеку найти себя и свое место в жизни.

Неизвестный автор другой примечательной книги «Проект Россия» (М., 2005) полагает, что «глобальные вопросы, вроде смысла жизни, сами по себе считаются неприличными». Что ж, если считать, что в современном обществе нет личностей, то вопрос о смысле жизни действительно будет не-при-личным. С другой стороны, С.Кургинян утверждает, что «идет великая смысловая война».

Кто прав? Можно согласиться, что в числе других войн, идет и смысловая война, но власть имущие, руководствуясь политическим принципом «не будите спящую собаку», стараются не втягивать большинство населения в обсуждение смысловых проблем, а, наоборот, усыпляют людей с помощью модных поделок массовой культуры (что, впрочем, не препятствует внедрению в российское общество таких ценностей, как деньги и власть).

Тем не менее вопрос о смысле жизни может неожиданно встать перед каждым, как он встал передо мной, когда подошедшие ко мне в парке молодые люди в одинаковых белых костюмах и с кейсами в руках спросили: «Вы знаете, в чем смысл жизни?»

Пока я отвечал, лица ребят вытягивались и на них застывало удивление. Закончив монолог, я отправился дальше, оставив их в некотором оцепенении. Читатель, по-видимому, догадался, кем были незнакомцы. К кому только не подходят сейчас миссионеры старых и новых сект. Каждый россиянин неожиданно для себя может стать участником «смысловой войны» и должен быть к этому всегда готов.

Я же сел на скамейку и мне вдруг тоже захотелось спросить у прохожих, знают ли они смысл жизни. Как они будут реагировать? Может кто-то вздрогнет и ускорит шаг, кто-то остановится в недоумении, а кто-то не обратит внимания, но потом расскажет близким о неожиданном вопросе.

Вопрос о смысле жизни далеко не праздный и не простой. В данной работе автор предлагает свое понимание смысла жизни, но считает, что каждый человек должен приходиться к осознанию смысла жизни самостоятельно. Путь к этому: 1) становление целостной духовной личности; 2) осмысленная и значимая деятельность; 3) реализация собственной уникальной жизненной программы.

Значение смысла для жизни человека

Зачем я живу? Для какой цели я родился? В чем смысл моей жизни? Редко кто задумывается над этими вопросами, а если они приходят в голову, от них отмахиваются, как от назойливой мухи, и продолжают плыть по течению времени на волнах своих и чужих страстей в утлом челне собственного рассудка или на более надежном корабле чужого, заемного ума. Но как бы ни были мы погружены в суету быта, вопрос о смысле неизбежно встает перед нами постольку, поскольку мы остаемся людьми. Если днем мы успешно убегаем от него в будничные пустяшные дела, он подстерегает нас ночью в часы бессонницы, которая, являясь физическим симптомом нашего душевного неблагополучия, как будто специально создана для того, чтобы заставить нас, наконец, задуматься о себе и о своем предназначении.

Слово «смысл» образовалось после редуцирования гласной «о» (что часто случалось в русском языке) из со-мысль, что означает сопряжение, совокупность мыслей, целостность мысли, единство чувственного и рационального, целомудрие (аналогично словам со-знание, совесть, со-чувствие, со-звучие и т. д.). Предлог «со» (как и в словах «сознание» и «совесть»), которые не только по строению, но и по содержанию близки к слову «смысл») можно понимать двояко: как соединение мысли индивида и как соединение мыслей всех людей. Понимание в первом значении приложимо к индивидуальному смыслу, понимание во втором значении – к общечеловеческому смыслу. В словаре В.И. Даля смыслом называется способность понимания, способность правильно судить, делать заключения, способность обсуждать причины и правильность действий. В словаре С.И. Ожегова под смыслом по-

нимается внутреннее содержание, значение чего-либо, цель, разумное основание. Зная смысл предмета, события, мы знаем внутреннюю основу и цель его существования. Смыслом называют также внутреннюю истину предметов, что сближает понятие смысла с понятием истины, которое было основным в первой части работы.

В английском языке смысл обозначается как «sense» (чувство, сознание) и «meaning» (значение). В греческом языке «смысл» обозначается очень многозначным словом «logos», который переводится как знание, понятие, мысль, разум, слово. Поэтому первые слова Евангелия от Иоанна, которые обычно звучат «В начале было слово» (буквально в греческом тексте «логос»), можно перевести «В начале был Смысл», и Смысл был у Бога и Смысл был Бог. Л.Н.Толстой переводил «В начале был разум».

Скажем и о том, что такое жизнь. Это особый уровень организации материи, характеризующийся, в отличие от неживого, в вещественном плане наличием макро-белков и нуклеиновых кислот, в структурном плане – наличием клетки, в функциональном плане – способностью к воспроизводству. Человек – существо целеполагающее, причем ставящее себе цели сознательно. Он обладает системой целеполагания – мозгом и сознанием. Единство целей, сознательно осуществляемых в жизни, и есть ее смысл. Если осуществляемые цели противоречат друг другу, то их единство – смысл – остается туманным и нереализованным.

Теперь ответим на вопрос о том, что же такое смысл жизни. Е.Н.Трубецкой предлагает изящное определение смысла жизни, включающее в себя те слова, которые входят в само определяемое понятие. С его точки зрения, с-мысл жизни – это та безусловная о ней мысль, которая должна в ней осуществляться. Раскрывая значение слова

«мысль» в данном определении, можно сказать, что понятие смысла жизни включает в себя представление о предельно должном, необходимом и достойном поведении, отвечающем высшим (духовным) ценностям. Смысл жизни считается в философии важнейшим системообразующим показателем полноценного человеческого существования, хотя это может выглядеть странным для того, кто никогда не задумывался, зачем он живет.

В сущности, речь идет о самом важном для людей, оказавшихся заброшенными в жизнь, и о подлинно основном вопросе направления человеческой мысли, получившего название философии. От того, как отвечает или не отвечает на данный вопрос человек, зависит его мироощущение и мировоззрение. Каждый отвечает (по крайней мере, должен отвечать) на этот вопрос самостоятельно, но в его распоряжении имеются в качестве подспорья плоды человеческой культуры. Можно сколько угодно смеяться над философскими трактатами, нравственными максимами, религиозными молитвами и просто житейскими рассуждениями о смысле жизни – часто они действительно смешны и нелепы, – но тем не менее от подобных размышлений никуда не уйти до тех пор, пока человек остается человеком, а лучшее из того, что написано по этому больному вопросу, способно «в минуту жизни трудную» очистить в качестве духовной гигиены душу от загрязнения, подобно тому как очищает тело гигиена физическая.

Выдающийся американский психолог XX в. А. Маслоу причисляет стремление к смыслу к высшим потребностям, называя его первичным человеческим побуждением. По мнению современного психолога В. Франкла, для того, чтобы жить и активно действовать, человек должен верить в то, что его поступки имеют смысл. Поиск и реализация человеком смысла своей жизни рассматрива-

ют как врожденную мотивацию, присущую всем людям. Потерю же смысла жизни называют экзистенциальным вакуумом.

Результат потери смысла жизни – негативное к ней отношение и нигилизм, что ярко выразил К.Д.Бальмонт.

«И так как жизнь не понял ни один,
И так как смысла я ее не знаю, –
Всю смену дней, всю красочность картин,
Всю роскошь солнц и лун – я проклинаяю».

По социологическим данным, полученным при опросе американских студентов, пытавшихся покончить жизнь самоубийством, 85% из них не видели больше в своей жизни никакого смысла, хотя при этом 93% из них были физически и психически здоровы, жили в хороших материальных условиях и удовлетворяли все свои повседневные потребности.

Самоубийство связано с потерей смысла жизни непосредственно. Человек не понимает, зачем он живет, и уходит из жизни. Но не обязательно данный вопрос может стоять перед человеком и быть задан им самому себе. Связь между самоубийством и потерей смысла жизни существует и на бессознательном уровне. Как показал Э.Дюркгейм в своем классическом труде «Самоубийство. Социологический этюд» главной причиной суицида является разрыв связей человека с окружающим миром – с людьми, природой, космосом. Человек остается один на один с самим собой и поэтому не может не утратить смысл своей жизни, который находится как раз в его отношении к миру.

Потеря смысла жизни – причина многих болезней, преступлений и добровольного ухода из жизни. Яркий пример – скандинавские государства. Это страны с очень

высоким уровнем жизни и социальной защищенностью населения. О человеке здесь заботятся с рождения и до глубокой старости. С момента появления на свет детей родители получают пособия, достаточные для содержания всей семьи. Дальше бесплатное обучение, высокая зарплата. В случае безработицы – пособие, на которое вполне можно прожить. После окончания трудового пути – высокие пенсии, при желании помещение в дом для престарелых со всеми удобствами и с необходимым медицинским обслуживанием. Даже преступники в тюрьмах живут вполне комфортно с телевизором и отпусками. Казалось бы, жить да жить. Но именно жители наиболее благоприятных в материальном отношении стран с наиболее высоким уровнем жизни, а именно, скандинавы, оказываются впереди и по числу самоубийств. Почему? Из-за потери смысла жизни. Как говорил выдающийся кинорежиссер М.Антониони, снявший много фильмов, посвященных психологическим проблемам в развитых странах, после преодоления материальных трудностей перед людьми как раз и встанут подлинные проблемы их существования. Это проблемы смысла, которые отходят на второй план, когда насущными являются проблемы материального выживания, и вновь становятся главными, когда те оказываются решенными. И тут выясняется, что найти смысл жизни не легче, чем обеспечить выживание. Результат такой же, как и от нерешенности материальных проблем – уход из жизни, на этот раз добровольный.

Иногда на проблему самоубийства смотрят с точки зрения свободы воли человека. Мол, у человека (особенно в демократических странах) есть свобода действий и желание самому определять, жить ему или нет. Герой «Бесов» Кириллов именно самоубийством хотел подтвердить свою свободу. Но в большинстве случаев чело-

век далек от метафизических рассуждений. Конечно, наличие установки на самостоятельность решений может подтолкнуть к роковому поступку, но в основе его лежит все же само желание уйти из жизни из-за утраты смысла существования, который является столь же сильной потребностью, как и потребность в пище, только в ином, духовном смысле. Свобода выступает как сопутствующее обстоятельство в условиях освобождения от религиозно-нравственных норм и обязательств по отношению к другим людям, да и к самому себе. Напомним, что религия рассматривает самоубийство как грех.

Еще одним последствием утраты смысла жизни является рост числа психических отклонений. В США для 30% населения характерны те или иные серьезные депрессивные состояния. Нервные заболевания становятся одними из самых распространенных в мире. За последние 30 лет число пациентов с психическими заболеваниями выросло во всем мире в 4 раза. Это заметно и в России.

По данным В.Франкла, 20% всех неврозов являются ноогенными, т. е. связанными с утратой смысла жизни. Американские психиатры писали когда-то, что неврозы реже встречаются в СССР, чем в США, потому что там люди чаще сталкиваются с необходимостью выполнения определенного дела. В условиях коммунистической идеологии проблема смысла решалась проще. Ныне в условиях нестабильной жизни и резкого изменения ценностей имеет место рост числа заболеваний и самоубийств в России. От одних, коммунистических, ценностей ушли, к другим – буржуазным – не пришли (приход к ним вообще проблематичен, если они противоречат русскому национальному характеру и традициям народной жизни). В результате резкое уменьшение продолжительности жизни (особенно у мужчин) и рост самоубийств, по числу кото-

рых Россия вышла на одно из первых мест в мире (60 000 из 2,3 млн. общего количества умерших – более, чем каждый сороковой). Ощущение бессмысленности жизни, характерное в настоящее время для нашей страны, когда разрушены старые ценности и дискредитированы новые, осложняется отсутствием культуры «мировоззренческой рефлексии, позволяющей придти к уникальному смыслу своим, неповторимым путем»⁶⁷.

Понимание смысла жизни помогает выжить в труднейших условиях. Как замечает В. Франкл, узник фашистских концентрационных лагерей, «мужество жить или соответственно усталость от жизни оказывались всякий раз зависящими единственно лишь от того, имел ли человек веру в смысл жизни, его жизни»⁶⁸. Ф. Ницше справедливо писал: «У кого есть Зачем жить, может вынести почти любое Как». Незначительное количество самоубийств в концлагерях Е. Коэн объясняет следующим образом: «В царстве жизни можно уйти из жизни, совершив самоубийство; в концлагере можно было уйти только в духовную жизнь»⁶⁹.

Смысл жизни является духовной опорой, позволяющей человеку выжить в экстремальных обстоятельствах. Писатель Ф. Абрамов рассказал про старушку, которая совсем приготовилась умирать и уже не вставала с постели. Но вот в катастрофе погибает ее дочь, и соседи видят, как она поднялась и стала заниматься хозяйством. На их удивленные вопросы она показала на внучат и ответила: «А кто же о них теперь будет заботиться?»

Широкомасштабные статистические исследования показали, что все долгожители придерживаются спокойной и уверенной жизнеутверждающей позиции. Для этого требуется знать смысл жизни или бессознательно следовать ему. И в нормальных, и в необычных условиях

«сильная ориентация на смысл способствует сохранению здоровья, продлению, если не сохранению, жизни. Она содействует не только физическому, но и психическому здоровью... Вопрос о смысле представляет первостепенный интерес для врача, когда он сталкивается с психически больным, которого терзают душевные конфликты»⁷⁰. Движение к смыслу есть движение к упорядоченности, цельности и целостности нашей жизни.

Значение понимания смысла жизни для здоровья и самого существования человека стало в наше время столь очевидным, что на стыке философии и психологии сформировалось направление, получившее название логотерапии (буквально «лечение посредством обретения смысла») – отрасль медицины, которая лечит людей путем оказания им помощи в нахождении смысла жизни. В задачу логотерапии не входит давать конкретные ответы. Она выполняет роль катализатора, заставляющего пациента задуматься о смысле своего существования.

Как подчеркивает основатель логотерапии В.Франкл, «если у человека нет смысла жизни, осуществление которого сделало бы его счастливым, он пытается добиться ощущения счастья в обход осуществлению смысла, в частности с помощью химических препаратов»⁷¹. Логотерапия позволяет обеспечить излечение наркомании в 40% случаев.

Однако сами по себе сомнения в смысле жизни – это проявление самого человеческого в человеке. «Только человеку дано обнаружить проблематичность своего существования и ощутить всю неоднозначность бытия. Эта способность сомневаться в значимости собственного существования значительно больше выделяет человека среди животных, чем такие его достижения, как прямохождение, речь или понятийное мышление»⁷².

Проблема смысла жизни

По-видимому, люди не всегда вопрошали себя о смысле существования, и из более или менее систематических попыток ответа на этот вопрос берет свое начало философия. Для того, чтобы сделать такой вывод, отнюдь не обязательно использовать концепцию эволюции. Он вполне окажется пригодным и в том случае, если мы предположим, что человеческое вопрошание о смысле жизни и возникновение философии как отрасли культуры вызвано тем, что люди некогда утратили внутреннее понимание и переживание смысла жизни, которое позволяло им обходиться без вопросов и без философии.

Как бы то ни было, в истории культуры, в жизни каждого современного человека можно выделить в исследуемом контексте несколько периодов. На первом из них он не только не задает себе вопрос о смысле жизни, но еще не осознает себя как существо живущее. Именно с данного осознания начинается новый этап. Где-то в пять лет ребенок впервые осознает неизбежность собственной смерти (то есть исчезновения из этого мира), очень переживает и порой не спит по ночам. Ему страшно представить, что наступит время, когда его не будет на свете, совсем, совсем не будет. Тут впервые и проявляется страстное желание жить. Он начинает себя успокаивать тем, что уж до 15–20 лет доживет (ведь почти все доживают до этого возраста), а это значит, что жить ему еще по крайней мере в три-четыре раза больше, чем он прожил (а это очень-очень много, думает он). Но даже такой почти гарантированный громадный срок не успокаивает его, и он может сам найти выход из положения, который известен, как представление о переселении душ. Он даже готов согласиться на то, чтобы забыть эту свою жизнь, когда душа

переселится в другое место (иначе трудно обосновать, почему он сейчас не помнит своей предыдущей жизни). Пусть ничего не останется в памяти от этой жизни – лишь бы только жить всегда. Это страстное желание жить без вопрошания о том, зачем, для чего жить. Жизнь на этом этапе, как и на предыдущем, довлеет сама себе.

В дальнейшем суета детской жизни с ее кажущимися взрослым незначительными, а на самом деле внутренне полными и весьма содержательными событиями отдаляет страх смерти и связанные с ним размышления, и возвращаются к ним тогда, когда начинают осознавать себя как полноценного человека в сообществе других людей и начинают думать о своем месте и мире. Это происходит в 14–15 лет. Подросток обнаруживает себя самостоятельно мыслящим существом, пытающимся критически взглянуть на мир и определить свое отношение к нему. Первые результаты того, что можно назвать самосознанием, обычно в наш век неудовлетворительны: «Я слабое, незащищенное существо, брошенное в мир; бессильное против господствующих в нем и чуждых мне как индивидууму сил, которые посредством государственно-полицейской машины постараются растоптать меня мгновенно, как только я пальцем пошевелю для того, чтобы сделать то, что я, именно я, хочу. Можно приспособиться к этим силам, стать их выразителем и проводником, но *мои* индивидуальные мысли и желания должны заглухнуть во мне. Впрочем, какой высший смысл могут они иметь, так же как моя личная деятельность в соответствии не с чьими-то, а моими собственными думами и чаяниями, если я все равно умру, уйду в небытие и ничего *лично* от меня не останется, а если и останется, то уж во всяком случае на исторически ничтожное время». Так лелеют свою слабость и оправдывают свое безделье.

Подобный взгляд общераспространен в наше время и не только среди подростков, впервые задумывающихся над смыслом их жизни, но и среди взрослых, остающихся «детьми» своего века. Я уж не говорю о тех, кто вообще не доходит до стадии самосознания, кто не «просыпается» ни разу в течение всей жизни. Многие люди умирают прежде, чем начинают задумываться, зачем родились. Они, в сущности, составляют бессмысленное стадо, которое легко можно направить, куда угодно, и которое не осознает, что им помыкают, и даже радо тому. С такими людьми господствующим социальным силам как будто бы легче всего управляться. Впрочем, не так все просто. И у несамосознающих может зреть внутри бессмысленный протест против жизни и против себя, и когда он прорывается наружу, мы становимся свидетелями страшного социального потрясения.

Взгляд, описанный выше, идеологически направляется и средствами массовой информации распространяется как наименьшее зло, поскольку он способствует развитию психологии приспособленчества и апатии, полезной властью имущим для целей управления людьми. Действительно, если человек приходит к выводу, что против рожна (чуждых ему внешних сил) не попрешь или что вообще все бессмысленно, и начинает приспосабливаться к миру или вообще психологически ломается, то все его действия оказываются подчиненными предрассудкам его времени и его собственным самым низменным и примитивным желаниям, которые прорываются на поверхность в отсутствие более возвышенных интересов. Он теряет, таким образом, возможность развить свое уникальное человеческое Я, стать подлинно самоценной разумно-чувственной личностью и превращается (возможно помимо своей воли, желания, сознания) в удобный объект управления.

Таким он и остается до тех пор, пока (и если) сама жизнь, которую он ведет, не становится противной ему, и голос совести не восстает против бессмысленного существования. А оно и в самом деле бессмысленно, если человек не нашел свой собственный *личный* смысл жизни, не подчинил ему все свои силы, отказался от его поисков и руководствуется сознательно или бессознательно обывательской мудростью: «живи, как живется», «начальству виднее», «богу богово, а кесарю кесарево» и т. д. или всю жизнь начинает рассматривать как просто игру.

Так для чего стоит жить? Существует ли смысл моей личной жизни, как нечто такое, что пронизывает всю жизнь, и в тоже время находится за ее пределами. Самый простой ответ – отрицательный: никакого смысла жизни нет, мы живем и все тут. Можно и вообще не дойти до задания себе подобного вопроса. Да и сам по себе отрицательный ответ может быть следствием недостаточной напряженности и силы мысли при обдумывании собственного положения в мире. Не хочется думать и трудно, а на поверхности уже лежит готовый простой ответ.

Живем, а как, почему и зачем не знаем, никогда не узнаем – и бесполезно об этом думать, – утверждают скептики. Не стоит ломать голову над проблемой смысла жизни, нет ничего вечного и ничего там за пределами эмпирического бренного мира, – утверждают материалисты, – все здесь и к тому же ненадолго для смертного человека. Да и все человечество погибнет, когда потухнет наше Солнце, если только не сможет переселиться в другие миры. Человек не более как бессильная песчинка в пустыне бытия, «мыслящий тростник», мало на что способный как индивидуальность или даже вообще ни на что не годный. Тогда в самом деле стоит ли к чему-то стремиться?

Подобные взгляды могут привести либо к скептическому отказу от суждения о мире и стоическому отказу от него самого, либо к эпикурейскому поиску наслаждений и цинической вседозволенности как псевдосмыслам жизни⁷³. Логическим следствием первого умопостроения является отказ от самых высших форм свободы и жизнедеятельности человека, что ведет в конечном счете к вырождению общества, в котором данные взгляды преобладают, и его культуры (не в этом ли причина упадка некоторых некогда великих культур), а логическим следствием второго – искажения культуры и человеческого облика (как мы видим в современном западном мире, образ жизни которого все больше приникает в другие районы земного шара). Впрочем, скептическое, стоическое, эпикурейское и циническое жизнепонимание зачастую причудливо сочетаются друг с другом, и их своеобразная и противоречивая смесь выражает общий упадок данной культуры (как можно видеть на примере Древнего Рима периода империи).

Ситуация, в которой находится современный мир (прежде всего та его часть, которая движется в русле западной цивилизации), во многом напоминает ситуацию, сложившуюся в Древнем Риме накануне его упадка. В наше время также преобладает эпикуреизм в форме материально-потребительского стиля жизни, цинизм в форме растущей преступности и различных извращений, скептицизм (в несколько ослабленном виде, в качестве отрицательной реакции на не оправдавшую надежды науку и вообще культуру западной цивилизации и на засилье идеологии как ложного и лживого сознания) и, наконец, стоицизм, в наибольшей степени нашедший себе приют в тоталитарных государствах (однако, больше в официально идеологической, чем в житейской

сфере). Последний эклектичен и содержит в себе явные элементы эпикурейства, но, так сказать, официально отодвинутого в будущее.

При марксистском ответе на вопрос о смысле жизни высшей ценностью объявляются ценности посюсторонние и прежде всего материальные (что не удивительно, поскольку коммунистическая доктрина имеет материалистическо-экономическую основу), но на человека накладываются обязательства жить не для себя (в этом случае отрицательный ответ на вопрос о смысле жизни слишком ясен, поскольку смерть как полное исчезновение каждого отдельного индивидуума – а в этом материализм не сомневается – определяет конечную бессмысленность всех его стремлений), а для других людей, строить материально-техническую базу для следующего поколения. Этот ответ на вопрос о смысле жизни с виду представляется положительным, поскольку найденный таким образом смысл как будто бы может быть индивидуальным и в то же время выходит за рамки индивидуальной жизни. Однако, если продолжить рассуждение далее, неизбежно возникает вопрос: а для кого будет жить следующее поколение? Если для себя, то смысл жизни на этом этапе исчезает, если же следующее поколение должно жить для последующего и т. д., то мы впадаем в дурную бесконечность отодвигания смысла. Может ли оно спасти материалистическую интерпретацию смысла жизни, помимо того, что такое отодвигание в принципе бессмысленно? Нет. Ведь даже в том случае, когда смысл ищется за пределами индивидуальной жизни и находится вне индивидуума (в детях, Родине, классе, человечестве) материалистический ответ в конечном счете оказывается отрицательным в надиндивидуальном плане (хотя и положительный ответ в этом

плане вряд ли мог бы удовлетворить личность). Ведь в соответствии с материалистической точкой зрения дети тоже когда-то умрут и исчезнут в море забвения; народ, к которому принадлежишь, когда-нибудь ассимилируется с другими и в конечном счете перестанет существовать; то же самое произойдет со всем человечеством, когда перестанет светить наше Солнце и другие светила, к которым оно (человечество) успеет проникнуть. Материализм вообще не может дать удовлетворительно положительного ответа, поскольку если и ищет его, то исключительно в самой эмпирической реальности.

В своем же идеологическом варианте материализм пытается навязать людям псевдосмысл, выполнение (или точнее попытка выполнения) которого льет воду на мельницу интересов отдельных социальных групп, объявляющих себя знатоками и выразителями интересов целых классов общества и даже всех последующих поколений. Но другие люди вправе усомниться в том, что это действительно так, как и в том, что интересы всех живущих людей, а тем более последующих поколений так уж легко узнать, а тем более предвидеть. Трудно, скажем, заставить человека, который сам не знает, в чем его интересы, поверить в то, что они кому-то вполне известны. Еще более опрометчиво говорить за другие поколения. Не исключено, что в каком-либо из последующих поколений все люди станут йогами, и для них будет излишней та материально-техническая база, которую современных людей обязуют для них строить. Сколько мы знаем и сейчас случаев, когда дети отказываются от всего, что целую жизнь копили для них родители. Вообще остается несомненным, что прежде, чем человек может начать жить для последующих поколений, он должен иметь представление о своем индивидуальном смысле жизни, по край-

ней мере, пытаться осознать, для чего живет он сам. Не зная, что нужно ему самому, как может он знать, что нужно другим, и жить для других. То, что находится некто, который объявляет себя непогрешимым знатоком сегодняшних и будущих интересов человечества, не спасает положения, поскольку каждый должен самостоятельно прийти к своему личному смыслу жизни, прочувствовать и пережить его.

Идеализм, как правило, положительно решает вопрос о смысле жизни, но достигается это ценой большего или меньшего отказа от самой жизни. Если материалистическое решение ведет к разгулу потребительских устремлений (которые процветают в наше время и засилье которых неизбежно, когда смысл жизни заключается по существу в отказе от его поисков и распространяется выгодный идеологиям псевдосмысл, вера в который немного ограничивает грубо материальные тенденции, но ведет к морально прискорбным следствиям – насилию и лжи), то сугубо идеалистическая интерпретация смысла жизни толкает к аскетизму и отказу от посюсторонней жизни в пользу жизни потусторонней, которая объявляется единственно истинной, чистой, негреховной (жизнь в Боге или Абсолютной Идее). Аскетизм неизбежен, когда смысл представляется находящимся всецело по ту сторону жизни. Что тогда может представлять собой эта действительная жизнь, как не способ переноса того, что изначально есть и задано в человеке (искра Божия, становление Абсолютной Идеи), в вечное потустороннее по отношению и к данному человеку и к миру в целом существование, и не следует ли принести все «мимо-летные» и «греховные» радости посюсторонней жизни (они уже по определению таковы и не могут быть другими, поскольку сама деятельность в этой жизни

рассматривается как неистинная или могущая быть в принципе истинной лишь частично) в жертву той попусторонней жизни?

И материалистический, и идеалистический ответы на вопрос о смысле жизни неудовлетворительно односторонни. В первом случае остается эмпирическая жизнь, но ценой потери смысла ее, во втором обретается смысл, но за счет принижения ценности самой жизни. В наш век Бог по признанию весьма авторитетных философов умер, и преобладает первая интерпретация. Смысл жизни испарился. Все что-то делают, но по большому счету никто не знает, ради чего все это. В буржуазном обществе процветают идеалы вполне попусторонние, материально-потребительские. Идеалы так называемого социалистического общества также преимущественно материально-потребительские, а те, которые не относятся к данной категории, вообще не выполнимы в рамках марксистской доктрины. Осуществление этих идеалов отводится на все более далекое время, а сама действительность этого общества и направление его развития противоречит их полному (а для не материально-потребительских идеалов хотя бы частичному) воплощению в жизнь.

Столь же ущербен психологический подход к проблеме смысла жизни. Смыслом жизни не может быть наслаждение, удовольствие, так как это есть внутреннее состояние субъекта, а смысл объективен. Не наслаждение создает смысл, а реализация смысла приносит наслаждение. Стремление к наслаждению в принципе недостижимо. «Чем больше человек стремится к наслаждению, тем больше он удаляется от цели. Другими словами, само «стремление к счастью» мешает счастью. Это саморазрушающее свойство стремления к наслаждению лежит в

основе многих сексуальных неврозов. Снова и снова психиатру приходится наблюдать, как и оргазм, и потенция нарушаются, когда они превращаются в цель»⁷⁴.

К такому же типу удовлетворения, как и наслаждение, относится счастье. Все помнят оптимистические слова «человек рожден для счастья, как птица для полета». Но парадокс в том, что «...в той мере, в какой человек делает счастье предметом своих устремлений, он неизбежно делает его объектом своего внимания. Но тем самым он теряет из виду причины для счастья и счастье ускользает»⁷⁵. Счастье, как и наслаждение, является побочным эффектом достижения цели. Становясь же самоцелью, оно становится недостижимым. Скажем, когда преподаватель выступает с лекцией, его целью должно быть донесение своей мысли до слушателей, а не удовольствие от самой лекции. Последнее приходит, если удастся достичь цели. Если же преподаватель изначально будет стремиться к получению собственного удовольствия, лекция вряд ли удастся ему и вызовет восторг присутствующих. Это же относится к любой деятельности. Недаром К.С.Станиславский говорил актерам: «Ищите искусство в себе, а не себя в искусстве». Найдя первое, получают и второе, а ориентация на поиски второго не может быть успешной в принципе. «Успех и счастье должны придти сами, и чем меньше о них думать, тем это более вероятно»⁷⁶. Идею счастья и в более общем плане идею утилитаризма убедительно развенчал в своей статье «Цель человеческой жизни» В.В.Розанов.

То же самое относится и к стремлению к власти. Оно имеет позитивный смысл только как средство достижения цели. «...чтобы человек пронес через жизнь свое стремление к смыслу, необходимой предпосылкой для этого, вообще говоря, является определенная степень

могущества, например, финансовые возможности. Лишь если исходное стремление к осуществлению смысла фрустрировано, человек либо довольствуется властью, либо нацеливается на наслаждение»⁷⁷. Стремление к наслаждению и счастью относится к псевдосмыслам, так как не ведет к реализации смысла, являясь ее (реализации) побочным эффектом, а стремление к власти и материальному преуспеянию – суррогаты смысла, поскольку ставят средства на место цели.

Столь же ущербен и биологический подход, в соответствии с которым смысл жизни видится в борьбе за существование и в воспроизводстве, которые «также оправданны лишь постольку, поскольку сама жизнь уже обладает каким-то независимым от этого смыслом»⁷⁸. «К группе тех явлений, которые могут быть лишь следствием чего-либо, но не объектом устремлений, относятся также здоровье и совесть. Если мы хотим иметь чистую совесть, это означает нашу неуверенность в том, что она у нас такова. Это обстоятельство превращает нас в фарисеев. А если мы делаем здоровье основной своей заботой, это значит, что мы заболели»⁷⁹. Критика совести как самоцели может вызвать возражение, особенно в религиозной среде, озабоченной сохранением души в ее первоначальной чистоте. Но это свидетельствует только о том, что логотерапия зиждется не на религиозных основаниях.

И еще сильнее точит мысль лишнего человека: «Зачем я жил? Для какой цели я родился?». Вопрос о том, для чего живешь – вопрос о смысле индивидуального человеческого существования. Каждый должен дать себе ответ на него, если действительно хочет оправдать звание человека. И каждый чувствует в душе потребность ответа на данный вопрос. Но где человек может отыскать для себя индивидуальный смысл жизни? Он не может лежать

всецело в пределах нашей эмпирической действительности, потому что мы ищем как раз то, что осветило бы быт («жизнь») немеркнущим духовным («смысл») светом. Этот смысл не может всецело находиться по ту сторону эмпирической реальности, поскольку он есть смысл жизни как нечто высвечивающее самое жизнь и проецирующееся на нее. Исходя из данного представления о «местоположении» смысла жизни можно сказать, что ни сугубо материалистический, ни отвлеченно-идеалистический, ни дуалистический (являющийся как бы плодом мирного сосуществования первого и второго) взгляды не могут даже подойти к проблеме определения истинного смысла жизни; указать путь, на котором следует его искать. Следствием же господства материалистических, идеалистических и дуалистических установок является тот факт, что весьма распространенными и ходячими выражениями стали в наше время такие, как: «жизнь бессмысленна»; «смысл жизни в том, чтобы жить»; «он потусторонен и потому непознаваем для человека».

Представим, что это так. Но ведь у человека как существа целеполагающего и целеустремленного всегда имеется какая-то пусть полу- или неосознаваемая основа его действий. В отсутствии высшего скрепляющего жизнь человека целостного смысла, когда сознательно ставят себе лишь мелкие и несущественные цели, основа человеческого целеполагания начинает расщепляться, а вместе с ней расщепляется сам человек. Однако, как бы человек ни старался отдать себя мелким целям, мучительный вопрос «правильно ли я живу?» неизбежно встает перед ним, покуда он остается человеком, и, пытаясь ответить на него, он вынужден подниматься по лестнице целей, на каждой из ступенек задавая вопрос: «а для чего я это делаю?» и в конце концов приходиться к выводу о не-

обходимости одной высшей цели, объемлющей собой все его помыслы и поступки. Высшая цель как смысл жизни необходима человеку как ориентир в пути, как эталон, по которому он должен измерять ценность всех своих поступков, и основная роль всех религий и идеологий в том и состоит, что они дают (или навязывают) каждому высшую цель его индивидуальной жизни, представление о высшем благе, будь то Бог или коммунизм. Конечно, нужда в какой-либо узаконенной религии или идеологии (и самое возможность ее) возникает именно тогда, когда каждый член общества не в состоянии выработать свой собственный личный смысл и даже не ставит перед собой такой задачи.

О значении высшей цели для человека великолепно сказал Сенека: «Едва захочешь узнать, чего следует избегать, к чему стремиться, – смотри на высшее благо, цель всей твоей жизни: с ним должны согласоваться все твои поступки. Только тот распоряжается всем в отдельности, у кого есть в жизни высшая цель». Итак, для того, чтобы человек оставался целостным существом, у него должна быть высшая цель, которой он следовал бы, подчинял бы и соизмерял все свои поступки. Другими словами, человек как мыслящее и чувствующее существо должен видеть в своем бытии высший и целостный смысл и задавать себе вопрос: «какая же у меня высшая цель?»⁸⁰.

Последователь восточного миропонимания на этот вопрос ответит так: «Главное – обретение единства со Всеобщим». Другой человек возразит: «Я слишком ценю свою индивидуальность и не хочу ни растворяться во Всеобщем, ни отождествляться с ним. Я хочу развивать свою индивидуальную природу. Пусть это назовут гордыней, но без такой “гордыни” нет личности, нет того, что было бы частью, тождественной целому».

Христианин скажет: «Главное – спасти душу, вложенную в нас Богом, и предстать перед ним снова в незапятнанной чистоте». Другой возразит: «Я не думаю, что от рождения в нас уже есть нечто столь великое, на спасение которого мы должны потратить всю отведенную нам жизнь. Для того, чтобы так думать, надо слишком высоко ценить Бога и слишком низко значение самой человеческой жизни. Согласен, от рождения в нас присутствует нечто, но оно – скорее потенция, которую предстоит реализовать, нежели что-то законченное, что следует лишь сохранить и пронести через жизнь. Иначе, жизнь не более, чем эксперимент, поставленный над нами Богом с целью определить, сохраним мы или нет то, что он дал нам при рождении».

Мыслитель марксистского толка ответит: «Главное – делать все для построения коммунизма». Другой возразит: «Я не считаю, что земное благополучие и изобилие материальных благ, распределяемых по потребностям, может быть главной целью человека, за удовлетворением которой, как по мановению волшебной палочки, последует исполнение всех других человеческих целей. Я считаю себя вправе сомневаться в этом, поскольку многие люди, находящиеся на высочайших духовных уровнях – святые, подвижники, йоги – достигли этого не благодаря, а вопреки материальным потребностям. По крайней мере, они мало заботились о материальной стороне жизни. И, наоборот, люди, у которых было, как говорится, все в материальном плане, отнюдь не достигали расцвета всех своих сил. Может быть речь в коммунистическом учении идет о том, чтобы думать и работать для других, для которых удовлетворение материальных потребностей – главное. Но почему я должен потакать и под-

страиваться под индивидов с низменными интересами? Пусть лучше они возвышаются, глядя на высочайшие примеры человеческого духа».

Отрицательный ответ на материально-коммунистический идеал в своем продолжении служит и ответом на прославление буржуазного «рая», поскольку отвергание материального коммунизма есть отвергание его основы – капиталистического потребительского общества.

Прогресс человека и общества немислим без прогресса культуры, а для прогресса культуры одинаково вредно как раздувание материальных потребностей, так и аскетический отказ от них. На слишком сытый желудок не очень захочется создавать культурные ценности, но и умирающий от голода – плохой творец культуры. Материальные потребности – крючок, на который власть имущие во все времена, начиная с первых племенных объединений, поддевали человека, стараясь лишить его индивидуальности и превратить в хорошего подданного. Определенный уровень материальных благ нужен лишь как фундамент для духовно-душевного развития личности, и сами материальные блага имеют для человека пусть необходимый, но второстепенный характер. Раздувание материальных потребностей имеет мало общего с желанием вечной жизни, поскольку трудно поверить, что приобретенное богатство можно будет взять с собой на тот свет. Чаще всего нездоровое увлечение приобретательством распространяется в те периоды, когда вера в вечную жизнь ослабевает (как это характерно для нашего времени). Однако, самое парадоксальное в том, что ориентация на материальные блага не дает человеку и земного блаженства, хотя бы потому, что подобное стремление никогда полностью не удовлетворимо в материальной сфере. Человеческие материальные потребности могут в принципе расти беспредельно,

возможности же их удовлетворения в мире ограниченных ресурсов всегда имеют определенную конечную величину, и стремление во что бы то ни стало превзойти ее ведет к экологическому кризису.

Итак, на каждый из господствующих в современном мире взглядов можно привести достаточно убедительные возражения. Результатом же явилось то, что смысл ушел из современной жизни и оставлены пути к обретению его. Где же, однако, искать смысл жизни, если он не исключительно в ней самой и не полностью вне ее? Смысл жизни *одновременно* и в самой жизни и вне ее. Он во времени и одновременно в вечности. Он не всецело в эмпирическом течении жизни и не за пределами ее, а в движении по этой жизни к открытию ее истины, таящейся на границе бытия и небытия. К ней человек и должен пытаться выйти. Граница эта есть в мире и есть внутри каждого индивидуума. Ее исследование – истинная задача человека и философии преимущественно перед другими отраслями культуры.

В развитии философии при самом грубом и приблизительном подходе можно, рассматривая его по аналогии с индивидуальным развитием человека, выделить три этапа. Первый как бы предфилософский, и на нем человек, осознавая себя как живое и подвластное смерти существо, еще ни поднимается до размышления о своем предназначении и месте в мире. На этом этапе имеют место религиозные верования, но философии пока нет. Философия зарождается с того момента, когда в человеке пробуждается сознательное желание понять, что он такое в масштабе Универсума. Первый ответ на этот вопрос самый простой – материалистический. Лишь много позже наступает собственно философское рассмотрение, ориентированное не только на проблему происхождения бытия,

но и на анализ бытия на границе с небытием, достигающее своего расцвета в Упанишадах и диалогах Платона. Однако, подобно тому, как многие люди не могут переступить отроческую стадию развития их чувств и мышления, так и в философии многие направления не поднимаются выше скептицизма, материализма или идеализма, удовлетворяясь ролью всеотрицателя и служанки науки и богословия, то есть выбрав себе удобный способ уйти от решения загадки бытия, погрузившись в туман ничто или спрятавшись за твердню объективной науки и широкую спину всемогущего Бога.

В наше Бога забывшее время скептицизм и прагматизм проел все сферы общественной жизни, и даже философы забывают, что их истинная задача не сводится только к тому, чтобы во всем сомневаться или оказывать исключительно материальную пользу человечеству. Забывают, что философия должна помогать каждому обрести индивидуальный смысл жизни, построить собственный Дом Бытия, Духовное Пристанище, мост, ведущий на другой берег жизни. Забывают, что философия признана накладывать повязки на раны веры в смысл жизни, искать веру и обосновывать ее. И то, что свои основные функции современная философия выполняет плохо, есть причина и следствие того, что смысл жизни утерян и даже поиск его ведется только спорадически.

Конечно, можно найти причины отказа от поиска смысла жизни социального и даже экономического характера. Современное развитое общество отличается высокой степенью внешней организованности и специализированности. В подобного рода организованном обществе с сильно развитым аппаратом управления каждый индивидуум имеет значение только как исполнитель определенной части общей работы. Частичный труд, как тако-

вой, бесцелен, и человек, теряя ощущение смысла своего индивидуального труда, сам становится бесцельным в себе, расщепляется на отвлеченные формы существования и деятельности. Опасность расщепления в процессе разделения труда всегда присутствует, но она принимает огромные размеры, когда разделение труда экономически детерминируется, социально поощряется и юридически закрепляется. Социально-экономическое и государственно-правовое потакание расщеплению человека ставят препятствия на пути обретения смысла жизни.

Не будем сейчас решать вопрос о том, какие причины потери смысла важнее: философские, социальные, экономические или какие-либо другие. По всей видимости, причины и следствия в данном случае так переплетены, что трудно, если вообще возможно, найти первопричину, а все подобные попытки будут известным упрощением существа дела.

Периодам человеческой истории, вроде современного, в которые теряется смысл жизни, нельзя не посочувствовать, и кажется, что плата за создание самой могущественной цивилизации на Земле (ничто не дается даром) оказалась слишком дорогой. Но свято место пусто не бывает, и век, в котором потерян смысл жизни, находится под властью суррогатов смысла – материального потребительства, воли и власти, и т. д. Каждому, кто хоть немного склонен к философским размышлениям, ясно, что материальное благополучие, власть в лучшем случае не более, чем предпосылки для приобретения смысла жизни. Они неизбежно выявляют всю глубину своей фундаментальной несамоценности, что становится тем очевиднее, чем дальше человек продвигается по пути их удовлетворения. На смену удовлетворяющемуся суррогату смысла чаще всего приходит антисмысл, и вся

жизнь начинает восприниматься как бессмысленная игра. Фактом является то, что потребность людей в игре возрастает по мере того, как они теряют смысл жизни вплоть до обобщения представления об игре на все существование в целом. Древнеримский лозунг «хлеба и зрелищ» достаточно точно отражает желание людей, жизнь которых потеряла смысл. Но не отражает ли этот лозунг и желания современного человека? Что может означать современная тяга к материальному приобретательству и различным зрелищам, как не следование знаменитому древнеримскому требованию. Когда смысл жизни ясен или он под угрозой, не до игры, да и не до хлеба.

Современный человек западной ориентации отличается от древнего римлянина тем, что его надежды, нашедшие свое воплощение в христианстве, которое было, в свою очередь, реакцией на положение в Древнем Риме, так и не осуществились и, устав ждать (а нужно было практически воплощать христианский идеал в жизнь), Запад пришел к представлению об абсурдности бытия.

Бессмысленная жизнь современного человека противостоит естественна и ведет к духовной, моральной и физической катастрофе. Чтобы жить так, как должен жить человек, нужна надежда на обретение смысла. Наш век потерял веру в смысл жизни, однако слабая надежда обрести его еще теплится в людях, смешанная с недоверием. И это смесь – источник жизни, замутненный и загрязненный. Если бы была потеряна всякая надежда, жизнь стала бы совсем невозможна. Человек поистине живет, а не просто существует, именно благодаря надежде. Живи и надейся – говорили древние. Жить и значит надеяться. И главная надежда в том, что надежда еще осталась и даже в отсутствии веры спасает человека. Пока человек живет, надежда никогда не исчезает полностью, как бы она ни была слаба.

Экзистенциализм как одно из основных направлений современной философии рельефно отобразил одну сторону современного человека – страх, но прошел мимо другой стороны – надежды, быть может потому, что в век безверия страх берет над надеждой верх. Хайдеггер и экзистенциализм в целом (впрочем, само выделение данного течения до некоторой степени условно, поскольку оно представляет собой довольно гетерогенную массу, хотя отдельные части и имеют общие черты) потому так моден, что он выразил дух времени – всеобщее ощущение бессмысленности и заброшенности, от которого люди стремятся укрыться хотя бы в буддистское ничто (обращение к восточной философии в наше время также симптоматично), представление о котором сродни современному ощущению покинутости человека, случайности его существования. Экзистенциализм четко выразил представление об абсурдности бытия и предложил действовать «без надежды на успех». В самом деле, на что надеяться, если жизнь признается бессмысленной и абсурдной. Выглядит мужественно, но это, по справедливой оценке Тиллиха, мужество отчаяния.

В течение контркультуры, справедливо отринувшем бессмысленность нынешней культуры, частица «контр» слишком превалирует над второй частью слова, и в том, что вопрос о смысле жизни не находит в контркультуре должного позитивного решения – философская несостоятельность данного течения. Экзистенциализм как наиболее философски сильное направление в критике сегодняшнего западного образа жизни прав в диагнозе заболевания современного человека, но не дает достаточно ясных рецептов выздоровления. Причина, по нашему мнению, в том, что хорошо отобразив характер современного человека, экзистенциализм не смог достаточно

глубоко заглянуть в человеческую природу. Основу, сущность бытия, человеческого здесь-бытия Хайдеггер видит во времени, а поскольку человек ощущает быстротечность времени и вера в вечность своего существования у него отсутствует, страх становится одним из его ведущих экзистенциалов. Действительно, современный человек страшится безверия, ощущая в то же время неумолимый ход времени. Все же, хоть слабо, он надеется на жизнь и на вечность. При одной только надежде на вечность нет оснований сразу не покончить с собой, чтобы дать этой надежде реализоваться. Мешает неверие. Смесь надежды с неверием заставляет жить. Если бы надежда на вечность сочеталась с верой в нее, вопрос о том, жить или не жить, не был бы столь важен. В условиях же недоверия к вечности в действие вступает страх. Однако, при одном только страхе человек не был бы способен на полноценное созидательное действие, потому что страх по своей природе разрушителен. Человек потому и способен на созидание, что надежда никогда не покидает его, хотя и уходит быть может вглубь его бессознательного. Страх можно рассматривать как один из экзистенциалов и даже как причину жизни, негативную по своей сущности в отличие от надежды – причины позитивной. Если мы углубимся в природу человека, то поймем, что основа человеческого бытия, здесь-бытия, – столь же временная, сколь и вневременная – страх-надежда. Слабая надежда и есть соломинка, которая может спасти человека. К сожалению, в процессе развития человечества, так же как и в процессе индивидуального развития современного человека, эта соломинка становится все тоньше.

С детством уходит любопытство и все сильнее становится страх. Чем ближе к смертельному рубежу, тем сильнее страх, тем больше потребность в вере, страх

нейтрализующей. Но вера обретается тогда, когда человек познает смысл своей жизни, просвечивающий сквозь действительность и составляющий ее сущность. В нахождении смысла жизни и обретении веры – спасение от страха. Наше существование бессмысленно не потому, что мы из ничто заброшены в мир и снова должны вернуться в ничто, а потому что мы уверены в том, что это действительно так, и отказались в этой бессмысленной уверенности от поисков и утверждения смысла.

В настоящее время нет удовлетворительного ответа на вопрос о смысле жизни, и остается либо его искать, либо расписаться в бессмысленности своего существования. Нет иного выхода, как искать утерянное. Может быть это и не так ужасно, и в самом стремлении разгадать тайну бытия и заключается смысл жизни? Может быть он никогда не был найден и в принципе не может быть найден как какая-либо материальная вещь? Такое утверждение кажется парадоксальным, но ведь говорят же, что счастье в постоянном поиске его. Может быть, подобно этому, смысл жизни – в поиске смысла. Добавим, что понятие счастья и смысла жизни, по нашему мнению, взаимодополняемы: в поисках смысла жизни обретается счастье, а счастье полно только будучи связано со смыслом жизни.

Смысл в принципе нельзя понимать как нечто существующее объективно вне человека, которое он должен познать и которому должно всецело предаться. Смысл жизни одновременно субъективное (поскольку присущ человеку как активно действующему субъекту) и объективное (поскольку сам человек имеет объективное значение) понимание человеком высшей цели, которой он желает достичь. Смысл жизни, таким образом, не только определенный результат деятельности, но прежде всего сам процесс ее.

Смысл жизни представляет собой духовный горизонт бытия, и не достижим, как не достижим физический горизонт. Смысл жизни столь же реален, сколь и физический горизонт, который есть и которого в то же время нет. Смысл жизни, как и физический горизонт, находится на границе реального. И как человек испытывает потребность идти к горизонту, отлично понимая, что ему его не достичь, так он испытывает потребность в реализации смысла жизни, сознавая тщетность своих попыток. Человек исконно верит в существование точки, где земля соединяется с небом, и идет к ней. Точно так же ему исконно присуща вера в существование духовного горизонта. Путь к нему и есть способ его истинного существования. Поиск и реализация смысла жизни – высшая цель, стоящая перед каждым, задача, которую пытались разрешить все великие философы. Исследования метафизических глубин жизни в попытке разгадать ее тайну – долг каждого перед собой, народом, человечеством.

В наш век искать и даже настраиваться на поиски смысла жизни очень трудно, но тем более необходимо и почетно. Испытав все, что может дать бессмысленная жизнь, а она не дает ничего существенного, следует возвратиться к поискам смысла. Именно на этом пути преодолевается трагизм бессмысленности современной жизни, обретается вера и крепнет надежда. Для того, чтобы идти по этому пути в наш век (вообще в любой век, но в наш особенно) необходимо мощное волевое усилие и острое осознание гибельности уклонения в сторону.

Мы должны идти по узкой тропинке, по обе стороны которой пропасти материализма и идеализма, в которые сваливаются слабые духом. Наука ничего не говорит достаточно уверенно о смысле нашего бытия, потому что она не проникает за границу эмпирического мира; наши

фантазии чаще всего никак не удостоверены эмпирическим опытом и находятся по ту сторону границы. Но мы смутно чувствуем что-то непостижимо манящее на границе бытия. Там разгадка высшей тайны, к ней мы предназначены идти и не можем не надеяться на то, что когда-нибудь придем.

Внешние детерминанты смысла жизни

Выше говорилось о необходимости индивидуальных усилий по обретению смысла жизни. Но существует немало вариантов смысла жизни, которые находятся вокруг нас. О смысле жизни человек начал задумываться, по-видимому, когда появился на свет и осознал свою смертность. Каждая мировая религия, каждая великая философская система имеет ответ на этот вопрос. Мы рассмотрим здесь некоторые ответы перед тем, как перейдем к нашему пониманию.

Осознав необходимость смысла жизни, мы можем посмотреть на то, что предлагается нам, и выбрать наиболее подходящее. Это самый простой способ. Причем выбор не обязательно осуществляется на сознательном уровне. Он может проводиться духовным бессознательным, но бессознательным именно духовным, а не подсознанием, которое может снабдить нас лишь псевдосмыслами типа наслаждения, сексуального удовлетворения и т. п. Как духовное отличается от физиологического и психологического на сознательном уровне, так же духовное бессознательное отличается от подсознания, описанного З.Фрейдом.

Внешние детерминанты смысла жизни мы рассмотрим последовательно, начав с социальных традиций, которые не потеряли своего значения (особенно на бессоз-

знательном уровне), хотя современное общество, вступив на индустриальный путь, перестало быть традиционным. К традиционным ценностям можно отнести, в частности, семью, детей, родственников. Существует немало людей, которые считают, что жить надо для семьи, заботы о супруге и детях, и рассматривают в качестве высшей ценности либо сам объект, на который направлено внимание, либо отношение к этому объекту (любовь к нему), либо и то и другое вместе. В «Преступлении и наказании» мать пишет Раскольникову: «Ты наше все». Он – смысл существования матери и сестры. К традиционному типу ценностей больше тяготеют женщины как более консервативный пол, биологически нацеленный на сохранение существующего. Задача женщины – воспроизводить человечество, воспитывать новые поколения. Если у нее этого нет, она часто отдает себя религии, которую, впрочем, обычно женщина никогда не забывает.

Иногда традиционные ценности выходят за узкие рамки близких людей и распространяются на определенных представителей своей нации (бедных, униженных, оскорбленных). Так, в XIX веке в России среди интеллигенции возникла тенденция «хождения в народ» для облегчения его тяжелого положения. Порой такая тенденция принимает экстремистские формы революционных выступлений против власть имущих, обвиняемых в угнетении народа. Массовость подобных действий послужила отправной точкой создания коммунистической идеологии. Тенденция выхода за узкие рамки отношения к близким людям может привести к определению в качестве высшей ценности своей нации в целом. Это служит отправной точкой создания националистической идеологии. Наконец, можно рассматривать в качестве высшей ценности все человечество, поднимаясь до заоблачных высот гуманизма.

Другой тип традиционных ценностей связан с отношением не к людям, а к работе. Те трудовые обязанности, которые выполняет человек, могут рассматриваться им в качестве высших ценностей. Они очень разнообразны соответственно количеству отдельных видов работ. Трудовые ценности, в отличие от семейных, в большей степени присущи мужчинам как преимущественно преобразующему мир полу (экспериментальному, как еще говорят). Среди ценностей труда особо почетное место занимают творческие ценности – созидание того, чего еще не было в мире. К творческим, духовным ценностям я еще вернусь, когда буду говорить о собственном понимании смысла жизни.

Помимо традиционных, внешними детерминантами смысла жизни, являются ценности, формирующиеся в различных отраслях культуры и призванные объединить усилия широких масс на выполнение общих задач в рамках этносов и государств. К таким ценностям относились мистические и мифологические, которые имели большое значение в ранних цивилизациях, но к настоящему времени уступили лидерство пришедшим им на смену новым отраслям культуры.

Здесь, прежде всего, следует назвать религию, дающую общие ценности для организации масс в пределах отдельных этносов, и особенно мировые религии, сформировавшиеся в так называемое «осевое время» и чуть позже, которые претендуют на вовлечение в свою орбиту всего человечества. Мировых религий три: христианство, ислам, буддизм. С точки зрения христианства, смысл жизни человека заключается в сохранении души, заложенной в человека Богом, посредством соблюдения данных Богом заповедей. Душа человека, проживающего свою жизнь в соответствии с ними, после смерти и частного

Божьего суда попадает на небо, а после конца света и всеобщего Страшного суда обретает свое прежнее тело и навечно остается в раю. Человек получает, таким образом, вознаграждение за праведную жизнь на Земле. Цель – в спасении души, которая получает в результате этого бессмертие. Спасение означает бессмертие. Это один – охранительный (консервативный) – смысл жизни в христианстве. Другой, тесно связанный с первым, – позитивный – заключается в стяжании благодати Святого Духа. Не заботьтесь о материальном, что вам есть и пить, учил Христос, а заботьтесь о духовном. В Библии говорится, что мы сами становимся жилищем духа. Библейские пророки приходили, чтобы пробудить в людях теряемое духовное понимание смысла жизни. Если же человек не осуществляет на Земле смысл жизни, то он наказывается после смерти. В видениях монахини Сергии (Клименко) души тех, кто жил без смысла, переносят эту бессмысленность в вечность и там наказываются в виде совершения бессмысленных дел (перекладывание с места на место вещей и т. п.).

Мусульманские представления о смысле жизни мало чем отличаются от христианских, поскольку ислам сформировался под непосредственным влиянием ранее возникшего христианства. Только заповеди несколько иные и рай удовлетворяет представлениям древних арабов об идеальной жизни.

Принципиально отличны от христианских и мусульманских представления о смысле жизни в буддизме. На них в большой степени повлияли присущие древней индийской культуре представления о перевоплощении душ и Едином как высшей реальности. Перед человеком поэтому ставится задача выйти из колеса перевоплощений (сансары) и соединиться с истинной реальностью –

Единым. К этому верующий приходит в буддизме путем соблюдения определенных нравственных правил (так называемый восьмеричный путь), приводящих его в результате в особое состояние нирваны, гарантирующей выход из сансары и соединение с Единым. Что же касается нравственных правил восьмеричного пути, то они близки к христианским и мусульманским заповедям и представляют собой этические ценности, обеспечивающие гармоничное существование сообщества. Этические ценности всех мировых религий можно в целом свести к известному в той или иной форме у всех народов золотому правилу этики: «Поступай по отношению к другим людям так, как хочешь, чтобы поступали по отношению к тебе».

Мировые религии были главной смыслообразующей детерминантой человечества на протяжении длительного отрезка времени, называемого Средними веками. Их значение велико и сейчас. Но в XVIII–XIX вв. развитие идеологии создало новую мощную смыслообразующую детерминанту, потеснившую значение религии. Идеологий, как и мировых религий, три: капиталистическая, основы которой заложены в XVIII в., коммунистическая и националистическая, возникшие в XIX в.

Основными ценностями капиталистической идеологии считаются индивидуализм, свобода, права человека (в том числе и прежде всего право частной собственности). Для ее характеристики больше всего подходит первое слово из тройственного лозунга Великой французской революции – «свобода». Но за этим привлекательным фасадом просвечивают две реальные фундаментальные ценности капиталистического общества: власть и деньги.

В нашей стране ценности капиталистической идеологии стали пропагандировать после крушения СССР, и мы видим, как в течение нескольких лет резко изме-

нились взгляды различных слоев населения, особенно молодежи. Совсем недавно, в советское время, населению навязывались ценности коммунистической идеологии, выраженные, в частности, популярным героем романа Н.Островского «Как закалялась сталь» Павкой Корчагиным таким образом: «Жизнь дается человеку один раз и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы отданы самому главному на Земле – борьбе за освобождение человечества». Для характеристики коммунистической идеологии больше всего подходит второе слово из лозунга Великой французской революции – «*равенство*», но этот привлекательный фасад скрывал насаждаемое однообразие и единомыслие.

К националистической идеологии больше всего подходит третье слово из лозунга Великой французской революции – «*братство*». Считать высшей ценностью интересы нации и национального государства и видеть смысл индивидуального существования в жизни для своего народа предлагает националистическая идеология. Но мы знаем, чем обернулось господство националистической идеологии в фашистской Германии.

По мощи воздействия идеология в настоящее время далеко превосходит все остальные детерминанты. И все же нельзя сбрасывать со счетов воздействие философии. Философия влияет на широкие массы населения скорее косвенно, создавая основу для развития идеологии, но может воздействовать и непосредственно (по крайней мере, на отдельные индивидуумы). Ответ на вопрос о том, для чего нужна жизнь человеку, семье, стране, нации, миру, считается одной из важнейших задач филосо-

фии. Недаром в фильме «Путешествие в другой город» героиня спрашивает у философа, с которым только что познакомилась: «В чем смысл жизни?»

Скажем о трех великих философских системах, в наибольшей степени повлиявших на общественное сознание. Это система древнегреческого философа Платона, создавшего само представление об идеях и идеалах. С точки зрения Платона, смысл жизни заключается в стремлении вспомнить идеи, которые душа воспринимала в мире идей, находясь там в промежутках между воплощениями на Земле. Ученик Платона Аристотель, создавший собственную философскую систему, видел смысл жизни в познании идей, находящихся в самой объективной реальности, т. е. обосновал смысл жизни как познание. В системе немецкого философа Г.Гегеля смысл жизни человека определяется его стремлением к воплощению в жизнь, посредством познания мира, Абсолютной Идеи, которая в начале мира превращается в природу, затем в человека, и в конце концов возвращается через деятельность человека к себе самой. Смысл жизни именно в возвращении Абсолютной Идеи к себе самой и человек участвует в этом, прежде всего, своим разумом, хотя данный смысл реализуется главным образом на бессознательном уровне. Назначение человека, по Гегелю, состоит в том, чтобы свободно жить содержанием и целями Субстанции (Абсолютной Идеи). Для отталкивавшегося от Гегеля Л.Фейербаха такой субстанцией выступает родовая сущность человека, что ведет при следовании ей к практической гармонии социальных отношений. Гегелевская система связана и с предшествующими представлениями об идеях Платона и Аристотеля, и с индийскими представлениями о Едином как высшей реальности. Русский философ В.С.Соловьев также говорил об истине как всеединстве.

Укажем еще на модное в античности учение Эпикура о духовном удовольствии и атараксии (душевном покое) как цели человеческой жизни, которое дошло до наших дней. Популярный немецкий философ Ф.Ницше в соответствии с эволюционным учением, возникшим в XIX в., считал, что человек представляет собой промежуточное звено эволюции («мост») между обезьяной и сверхчеловеком, и тем самым определил смысл жизни человека как стремление к его возможно более скорому превращению в сверхчеловека. Русский философ Н.Ф.Федоров предлагал в качестве «общего дела» человечества воскрешение всех живших до настоящего времени поколений.

Упоминавшиеся выше экзистенциалисты, поднявшись над представлением об абсурдности человеческого существования, находили свой смысл, в лице А.Камю, в том, что «абсурд имеет смысл, когда с ним не соглашаются». Точнее, имеет смысл не сам абсурд, а именно несогласие с ним. Деятели искусства традиционно видели смысл жизни в красоте («красота спасет мир», по Достоевскому), в словах, красках, звуках музыки, даже в промежутках между музыкальными тактами. О величайших музыкантах XIX в. говорили, что Библией для них был звук, а не нотная запись.

И наука вносит вклад в создание смыслообразующих ценностей. На вопрос: «может ли наука дать нечто вроде смысла жизни?» – ответ будет положительный. Не только в том плане, что само познание мира (как считал Аристотель) может стать смыслом жизни, но также потому, что само содержание научного знания может натолкнуть на плодотворные выводы о смысле жизни. Отметим здесь несколько моментов. В.И.Вернадский в своем учении о биосфере определил значение биохимической энергии живого вещества и растений как трансформаторов

солнечной энергии в энергию биологическую. Во второй половине XX в. основатель этологии К.Лоренц писал, что жизнь «есть познавательный процесс и что ее возникновение означает возникновение структуры, способной получать и хранить информацию и в то же время устроенной таким образом, что она может захватывать из потока рассеивающейся мировой энергии достаточное количество горячего, чтобы питать им пламя познания»⁸¹.

Таким образом, уже в основе возникновения жизни лежит предпосылка создания духовного – получение и хранение информации. Когнитивный аппарат последовательно развивался и человек стал способен к понятийному мышлению, а посредством этого к творению духовного. «Духовная жизнь человека есть новый вид жизни»⁸². Духовная жизнь предполагает наследование приобретенных признаков в дополнение к генетическому наследованию. Существует тенденция в эволюции живого вещества – цефализация, суть которой состоит в совершенствовании центральной нервной системы и создании у высших животных психики (что называли психозойской эрой). Становление человека привело к антропогенной эре. Об этих достижениях науки речь более подробно пойдет в следующем разделе.

Все многообразие предлагаемых человеческой культурой смыслообразующих ценностей разделяют на три группы: ценности творчества, ценности переживания (например, любовь) и ценности отношения (к жизненным обстоятельствам). Удары судьбы могут вызывать страдания, но последние необходимы, как горькие лекарства. Они оберегают человека от духовной апатии и обманчивого самоуспокоения.

Духовная эволюция человечества ведет к увеличению количества предлагаемых вариантов смысла жизни. Парадокс нашей действительности, однако, в том, что

чем шире выбор, тем больше дефицит осмысленности существования. Это выражают, например, таким образом: «Есть 150 концепций смысла жизни. Значит, ни одна из них не истинна. Ну, добавят к ним 151-ю. Что это даст? Чем она лучше предыдущих?» Но большое количество вариантов помогает каждому человеку найти свой индивидуальный смысл жизни. «Все, что мы можем делать, – это быть открытыми для смыслов, сознательно стараться увидеть все возможные смыслы, которые предоставляет нам ситуация, и затем выбрать один, который, насколько нам позволяет судить наше ограниченное знание, мы считаем истинным смыслом в данной ситуации»⁸³. С другой стороны, индивид может предлагать смыслы, которые в дальнейшем приобретут общечеловеческий характер. «Уникальный смысл сегодня – это универсальная ценность завтра»⁸⁴.

Понимание смысла жизни как трансформации телесного в духовное

Данное понимание смысла жизни сложилось под влиянием нескольких отраслей духовной культуры, но решающий вклад внес В.И.Вернадский своим учением о биосфере. В одном из входящих в его состав эмпирических обобщений он делает вывод, что основная функция растений – трансформация солнечной энергии в биологическую. Благодаря содержащемуся в растениях хлорофиллу происходит химическая реакция, в результате которой под воздействием солнечной энергии из потребляемого растениями углекислого газа образуются биологические соединения и в виде побочного продукта выделяется свободный кислород, необходимый живым

существам для дыхания. Таким образом, смыслом жизни растений можно считать преобразование солнечной энергии в биологическую.

Здесь возможно возражение, что живые существа просто выполняют свои функции, и это нельзя рассматривать как смысл их жизни, тем более, что растения и большинство животных не мыслят, а стало быть не задумываются о смысле своего существования. Это еще более очевидно, если по аналогии с растениями и животными объявить, что смысл существования Солнца – светить. Солнце – неживое тело, как же оно может иметь смысл? Конечно, само Солнце не определяет смысл своего существования, поскольку оно не имеет мозга и не мыслит. О смысле рассуждают люди, и не только о своем, но и о смысле всего существующего на свете. Исходя из современных научных данных, можно прийти к выводу, что испускание солнечной энергии является смыслом существования Солнца. По А.Л.Чижевскому, излучения Солнца являются «передатчиками» состояний от Солнца к Земле. Мы «мало-помалу научились понимать связность и общность разрозненных явлений и представлять их в единой синтетической картине жизни солнечно-земного мира. Великолепие полярных сияний, цветение розы, творческая работа, мысль – все это проявление лучистой энергии Солнца»⁸⁵.

Вспомним, что В.Маяковский писал:

«Светить всегда, светить везде, до дней последних донца,
Светить – и никаких гвоздей! Вот лозунг мой и солнца».

Не следует рассматривать данные слова просто как фантастический образ, не имеющий ничего общего с реальностью. Поэты – пророки, поэтому к тому, что они пишут надо относиться серьезно и пытаться понять.

Искусство, по Гёте, не приправа к жизни, а постижение глубинных основ бытия. Солнце светит в прямом смысле слова, а человек – в переносном. Его «свечение» будет духовным светом.

Понятие смысла жизни применимо ко всем объектам Универсума. Животные потребляют растения и других животных, в том числе более низко организованных. И в процессе их эволюции формируется новый уровень организации материи – психический. Тогда по аналогии смыслом жизни животных можно считать преобразование биологической энергии в психическую.

Распространить данные выводы на человека позволяет сформулированный в современном естествознании принцип *глобального эволюционизма*, в соответствии с которым во всей природе имеет место эволюция, т. е. усложнение уровней организации материи. В момент образования Вселенной (он называется Большим взрывом) появились элементарные частицы, затем из них стали образовываться химические элементы, начиная с простейшего – водорода, затем молекулы и более сложные неживые тела и далее зародилась жизнь. Первыми живыми телами были самые простые одноклеточные организмы, затем формировались все более сложные виды растений и животных. Эволюция животных привела к возникновению позвоночных, затем высокоорганизованных позвоночных – млекопитающих, и, наконец, человека. Эволюция жизни называется биологической эволюцией, и человек есть высший продукт этой эволюции, образно говоря, венец жизни на Земле.

Человек является звеном в цепи эволюции и стало быть его смысл жизни связан со смыслом эволюции Космоса и смыслом жизни растений и животных. По аналогии со смыслом жизни растений мы можем заключить,

что смыслом жизни человека является трансформация биологической и психической энергии в то, что является специфическим для человека продуктом, который он производит в себе и в окружающем мире. Это духовная энергия. В начале XX в. высказывалась мысль, что «живое существо (человек) играет роль трансформатора, превращающего одни виды энергии в другие, в том числе в нервную»⁸⁶. А Н.Ф.Федоров писал, что «нервная сила» служит орудием воли и сознания. Ставилась задача овладения методами и законами трансформирования новой энергии. С.А.Бекнев писал, что «если человечество может превращать световую энергию в нервную, то и обратно: организм сможет трансформировать энергию нервную (энергию мысли) в световую»⁸⁷.

Человек получает биологическую и психическую энергию и преобразовывает их в духовную. Органом получения и преобразования является мозг, выполняющий тем самым роль, аналогичную роли хлорофилла у растений. Роль мозга до сих пор не ясна. Считается, что его основная функция заключается в продуцировании мыслей, но недостаточность научных данных позволяет предполагать, что мозг получает мысли извне и лишь накапливает и передает их, т. е. выполняет роль аккумулятора и передатчика. Нобелевский лауреат, нейрофизиолог Дж.Экклз предположил, что мозг есть детектор влияний, которые дух оказывает на него. Имеет право на жизнь, на наш взгляд, и гипотеза мозга как трансформатора одного вида энергии в другой или в информацию.

Как происходит трансформация биологической и психической энергии в духовную? «В актах и состояниях сознания всегда участвует дух наш, определяя и направляя их. В свою очередь, дух растет и изменяется от деятельности сознания, от его отдельных актов и состояний»⁸⁸.

Войно-Ясенецкий пишет о трансформации природной красоты в человеческие произведения. «Ансамбли и элементы красоты и безобразия в природе, воспринятые духом человеческим, трансформируются в нем в произведения искусства и науки, эти великие двигатели духовного развития человечества»⁸⁹. Человек – производное всего бытия. Его существование – не самоцель. Он берет имеющееся телесное в нем и вокруг него и создает из него качественно новое – духовное, которого никогда прежде не было. Через человека осуществляется смысл мира и смысл жизни человека заключается в реализации общего смысла эволюции бытия.

Смысл показывает, что надо делать, а конкретные цели должны соотноситься с ним. Осознавая смысл жизни, человек сознательно начинает участвовать в реализации смысла мира – а он в том, чтобы преобразовать материальное, которое первично (по крайней мере, в нашем эмпирическом мире), в духовное, которое становится главенствующим. Чем сознательнее человек подключится к этому процессу, тем быстрее он пойдет. «Эволюция (или, если хотите, замысел Божий о мире и своем венце творения) выдвигает человека, наделенного разумом, уже не как страдательно-пассивного, а как сознательно-творческого агента своего дальнейшего разворачивания – и не только в уже взятом ею векторе все большего развития духа в лоне материи, но и все большего управления духом материи», – пишет С.Г.Семенова.

Если смысл мира – в творении (как полагал еще А.Бергсон), то смысл человеческой жизни – в духовном творении. Посредством человека телесное трансформируется в духовное, исчерпывая себя. Исходя из смысла существования растений, животных и человека, можно определить общий смысл жизни таким образом –

трансформация солнечной энергии в духовную, причем на долю растений приходится превращение солнечной энергии в биологическую, на долю животных – трансформация биологической энергии в психическую, а на долю человека – последующая трансформация получаемой им биологической и психической энергии в духовную. Тогда смысл мира в целом заключается в творении качественно нового от вакуума (который был до Большого взрыва) до духовного. Вышеизложенное можно представить в виде таблицы.

Таблица 1

Смысл жизни и виды трансформации

Смысл	Вид деятельности
жизни растений	Трансформация солнечной энергии в биологическую
жизни животных	Трансформация биологической энергии в психическую
жизни человека и культуры	Трансформация телесной энергии в духовную
жизни мужчин	Преимущественно созидательная деятельность
жизни женщин	Преимущественно воспроизводящая деятельность
жизни вообще	Трансформация солнечной энергии в духовную
смерти	Обновление телесного
мира	Творение духовного (из вакуума?)

Производимое человеком духовное является творческим продуктом. Поэтому данное определение смысла жизни смыкается с тем, которое гласит, что смыслом жиз-

ни является творчество. Как соотносятся эти взгляды с современной наукой? Они исходят из достижений науки, прежде всего из принципа глобального эволюционизма. Автор считает для себя обязательным не допускать никаких противоречий с общепринятыми в науке положениями. Но взявшись за решение такой основной философской проблемы как смысл жизни, неизбежно приходится выходить за рамки науки и использовать данные философии, религии и т. д. Можно заключить в качестве методологического правила, что чем масштабнее изучаемая проблема (а проблема смысла жизни является одной из наиболее фундаментальных), тем больше знаний надо привлекать для ее решения из всех отраслей духовной культуры. Это соответствует концепции В.С.Соловьева об истине как всеединстве.

Решая вопрос о смысле жизни, приходится выходить за рамки науки, как пришлось это сделать В.И.Вернадскому – гениальному ученому и президенту АН УССР, когда, решая проблему эволюции человечества, он использовал далеко не научное понятие «ноосфера». Наука представляет собой важнейшую отрасль духовной культуры, но не единственную, а одну из семи основных, к тому же одну из самых молодых. Итак, наши концепции, не противореча научным данным, не могут замыкаться в их пределах, а должны использовать весь исторический духовный багаж человечества.

Как данный, идущий от современной науки смысл жизни соотносится с традиционными смыслами, предложенными религией и философией? Этот вопрос особенно важен, если следовать принципу всеединства, выдвинутому выдающимся русским философом В.С.Соловьевым, в соответствии с которым полная истина представляет собой совокупный результат всех отраслей культуры.

Оказывается, что религия и философия в решении проблемы смысла жизни приходят к сходным с наукой результатам. Христианство как мировая религия видит смысл жизни в стяжании благодати Святого Духа. Святой Дух отличается от всех других толкований духа прежде всего своим личностным характером, но использование слова «дух» здесь не случайно. Более того, религия претендует, и не без оснований, на приоритет в использовании понятия «духовности», хотя духовность понимается не только в религиозном или мистическом смысле. Писатели, ученые, философы – тоже духовные люди.

Итак, к идее смысла жизни как трансформации телесного в духовное можно придти путем религиозных размышлений о необходимости для человека подражать Богу в его духовной деятельности, т. е. творить духовное; философским путем, отталкиваясь от необходимости воспоминания о духовном (Платон), познания его (Аристотель) и возвращения к нему (Гегель). К пониманию смысла жизни как трансформации телесного в духовное ведет также мистическое представление о тождестве человека и природы, в соответствии с которым многие таинственные, мистические явления – вещи сны и т. п., объясняются тем, что человеческий дух имеет общение с миром трансцендентальным, вечным, живет в нем и сам принадлежит вечности.

Разделенности человека с Универсумом требует борьба за существование. Но жизнь человека не сводится к этому. Он жаждет единства. Путь от телесного к духовному – это путь от разделенности к единству, а значит путь мистики; путь от материи к духу, а значит путь философии; путь от бытия к Богу, а значит путь религии; путь от чувственных восприятий к «третьему миру» знаний, а значит путь науки. Путь от телесного к духовному – это путь культуры.

Если мы возвратимся теперь к определению смысла жизни в первом разделе, то оказывается, что развиваемые здесь представления соответствуют понятию смысла жизни, так как смысл жизни по определению отвечает высшим (духовным) ценностям. Представление о смысле жизни как трансформации биологической и психической энергии в духовную приходит к его понятию (понятие и происходит от слова «понять»). Это возвращение к понятию есть основной признак истины в определении Гегеля, о чем речь шла в первой части работы. Стало быть, возвращаясь в своем представлении к понятию, мы достигаем истины.

Теперь предстоит дать определения некоторых других основных понятий – человека, телесного, духовного. Человек определяется как телесно-духовное единство, которое включает в себя два основных компонента – тело и дух, первый из которых, в свою очередь, состоит из соматического и психического. Данное определение является генетическим, так как соответствует эволюции природы на пути от неживого к человеку.

Современная наука учит, что сначала из неживых тел образовались растения и животные, затем у высоко развитых животных возникла психика, затем у человека добавился разум. Шимпанзе физически близок человеку, но у него нет духовного. Итак, в человеке присутствуют вместе тело, чувства и разум. Философия и религия также представляют человека состоящим из трех основных частей, только чувственная часть называется душою, а разумная часть – духом. Апостол Павел писал в «Послании к фессалоникийцам»: «Ваш дух и душа и тело во всей целости да сохраняются без порока».

Как проявляют себя различные феномены на трех уровнях человека? Возьмем, к примеру, любовь. Значение любви многообразно, как и функции человеческих органов.

На уровне тела она проявляет себя как секс («заниматься любовью»). На уровне психики это влюбленность, страсть, желание всегда быть вместе с возлюбленным. На духовном уровне это влечение к духовному миру. Философствовать, т. е. любить мудрость, это совсем не то, что заниматься любовью с Софией. В греческом языке существуют четыре слова, обозначающие различные проявления любви, которые в русском языке соединены в одно. Духовная любовь может проявляться не только к идеальным объектам, но и к человеку. Такую любовь поэты выражают словами: «Можешь совсем уйти, только свети, свети».

Теперь дадим определение духа. В соответствии с концепцией структурных уровней дух можно определить как сверхматериальный уровень организации, который 1) относительно автономен от материальных уровней; 2) иерархически возвышается над ними и 3) призван руководить ими. Как уровень организации дух представляет собой единство, обладающее эмерджентными свойствами. В человеке дух – это интеллектуальная сторона разумно-чувственного единства, тогда как душа – психологическая сторона того же единства. Дух и душа как бы две стороны одной медали. Недаром данные слова в русском языке рассматривают как однокоренные (сравните «духи» и «душистый»).

Рассмотрим, как свойства духа представлены в человеке. Автономность духовного можно проиллюстрировать сообщениями людей, переживших состояние клинической смерти, что их сознание выходило из тела и наблюдало его извне, а также путешествовало отдельно от тела. В обычной жизни автономность духовного проявляется в феномене забывания себя в процессе творчества. Диоген Лаэртский сообщает, что Сократ три дня простоял на одном месте, обдумывая какую-то проблему. В строках Пушкина

«пока не требует поэта к священной жертве Аполлон», священная жертва означает, что в состоянии вдохновения творец забывает обо всем на свете. Писатель В.Астафьев рассказывал, что, приехав как-то на дачу, он начал писать рассказ и работал два дня без еды и сна. Каждый человек может кое-что вспомнить о себе в данном плане. Мистики, святые подвижники, аскеты культивировали в себе полностью отрешенного от мирской суеты духовного человека. Насколько человек может быть автономен от своего тела и чувств ради духа, настолько он духовен.

Дух не сводится и к мозгу («дух выступает за пределы мозга со всех сторон», – писал А.Бергсон) и сознанию человека. В духовную сферу, помимо сознания, совести, смысла жизни, идеалов входит духовное бессознательное. Дух так же руководит разумом, как и чувствами. Управлению чувствами и мыслями учат так называемые духовные практики, особенно разработанные в индийской культуре.

Духами называют нематериальные существа – ангелов, демонов, Святой Дух. Здесь подчеркивается неотъемлемая черта духа – автономность от чувственного мира.

Вторая черта духа заключается в том, что он иерархически возвышается над материальными уровнями организации. В человеке это означает, что дух возвышается над соматическими и психическими характеристиками. Духовность можно назвать вершиной человека, потому что сам человек – венец эволюции, а то, что отличает его от животных, – его дух. Проявление этого высокого духа и делает культуру высокой (в отличие от массовой).

Наконец, третья черта духовного – его призвание руководить материальными уровнями организации. В соответствии с этим дух обладает приоритетом над чувствами и желаниями человека, призван управлять его поступками и мыслями.

Дух также обладает способностью создавать произведения культуры от мистики до идеологии, образующие духовную сферу. Всего можно выделить семь отраслей духовной культуры. В порядке их возникновения в процессе эволюции человека это будут мистика, искусство, мифология, философия, религия, наука, идеология. Все произведения духовной культуры являются продуктами духовного творчества, специфическими для человека.

Итак, духовное в отличие от телесного и психического – это то, что отличает человека, что присуще только ему одному. «И то, что может противостоять всему социальному, телесному и даже психическому в человеке, мы и называем духовным в нем»⁹⁰. Только человек производит духовное. Для этого он и нужен, это и составляет смысл его существования.

Откуда взялось духовное? По религиозным представлениям, оно изначально присутствовало в мире и вложено в человека Богом. Можно понимать духовное и как плод эволюции. Человек создает духовное, как растение создает биологическое, и затем посредством созданного ранее духовного продуцирует духовное (как растения и животные с помощью ранее созданного биологического продуцируют биологическое и психическое).

В соответствии с данными представлениями жизнь дана, чтобы возвести ее в дух. «Жизнь мозга и сердца и необходимая для них совокупная, чудно скоординированная жизнь всех органов тела нужны только для формирования духа и прекращаются, когда его формирование закончено или вполне определено его направление»⁹¹.

О соотношении духа и тела тонкий и глубокий поэт В.Ходасевич сказал так:

«Дорогой снов, мучительных и смутных,
Бреди, бреди, несовершенный дух.
О, как еще ты в проблесках минутных
И слеп, и глух!

Еще томясь в моем бессмертном теле,
Сквозь грубый слой земного бытия
Учись дышать и жить в ином пределе,
Где ты – не я;

Где, отрешен от помысла земного,
Свободен ты... Когда ж в тоске проснусь,
Соединимся мы с тобою снова
В нерадостный союз.

День изо дня, в миг пробужденья трудный,
Припоминаю я *твой* вещей сон,
Смотрю в окно и вижу серый, скудный
Мой небосклон.

Все тот же двор, и мгlistый, и суровый
И голубей, танцующих на нем...
Лишь явно мне, что некий отсвет новый
Лежит на всем».

Производя духовное, человек одухотворяется сам. Изначально в нем имеется лишь потенциал обретения духовности, и, будучи телесно-духовным, он постоянно развивает в себе вторую часть данного единства, в то время, как первая – const. В нас есть потенция духа, как в стеарине, из которого сделана свеча, есть потенция горения. Смысл свечи в том, чтобы сгореть; смысл человека в том, чтобы превратиться в дух. Свеча, которая не сгорела, не выполнила своего предназначения. Разница между человеком и свечой в том, что человек зажигает себя сам. Для этого он должен прикоснуться к источнику духовного света и сам стать Духовным Светом, согревающим людей. Здесь используется мистически-религиозная терминология, и она столь же естественна, как терминология научная и философская.

Общая схема эволюции уровней организации может быть представлена в таком виде:

Неживые (Солнце и т. д.) → Биологический (человек, животные, растения) → Психический (человек, животные) → Духовный (человек)

Из схемы видно, что человек располагается на трех уровнях – биологическом, психическом и духовном, высшим из которых является духовный.

Все ли люди «сгорают»? «Человеческое несчастье состоит в том, что человек живет вдали от своей души, стремится быть в стороне от духовной жизни», – писал М.Метерлинк. «Большинство людей живет недуховной жизнью. Высшее таинственное начало в человеке, которое именуется духом, остается вне их жизни. Естественно, что теряют они и самое чувство своей духовной природы... Надо вызвать к жизни заглохшее духовное начало, надо начать питать его духовной пищей... И чем более духовен человек, тем непреложнее для него свидетельствует этот внутренний опыт об особом, непостижимом, но несомненном духовном мире, к которому принадлежит и его бессмертный дух»⁹².

Если дух становится в жизни, тогда жизнь обретает смысл, несмотря на страдания, которые ничто иное, как плата за становление духа. Человек сознательно идет на страдания, чтобы обрести духовные наслаждения, и, предпочитая их, добивается того, чтобы чаша страданий не очень перевешивала чашу наслаждений. Но большинству хочется наслаждений без страданий. Хочется, чтобы жизнь была как дискотека, а о том, что будет потом, обычно не думают. Если страсти, помыслы и желания сосредоточены на земной жизни, то тут не до духа и смысла.

Преобладает общий порыв к радости. Выросшие в городе люди, чьи родители не затрудняли домашней работой, которым не особенно приходилось выкладываться в школе, которые по вечерам могли проводить время с друзьями, на танцах, за кофе и пивом, не знали чувства ответственности. К чему же стремиться таким людям, как не к радости? Других забот нет. Потом, когда появляются своя семья, дети, когда начинается трудовая деятельность, приходит понимание того, что в жизни есть не только радость, но и горе. Пока же можно радоваться жизни и возводить это в смысл. Но что, если бы Павка Корчагин закончил бы свой пламенный монолог словами: «вся жизнь и все силы отданы тому, чтобы... радоваться жизни»?

Любая серьезная деятельность, направляемая смыслом жизни, сопряжена с упорным трудом. Для чего писатель пишет книги, для чего ученый выступает с лекцией? Если он скажет, что для того, чтобы радоваться, да и сами слушатели придут с этой же целью, то в результате получится шоу. Не возражая против радости, по аналогии с едой можно сказать, что надо не жить, чтобы радоваться, а радоваться, чтобы жить (духовной жизнью).

Можно провести аналогию между физической и духовной пищей, хотя ситуация со смыслом жизни сложнее, чем с питанием. Все знают, какая пища вредна для организма, хотя многие люди не могут совладать со своими желаниями, сформировавшимися в результате привычки. В смысловой области людям не говорят, что стремление к удовольствию, радости, счастью вредно, и многие считают, что к этому и надо стремиться. О том, что смыслом жизни человека не может быть растительная и животная жизнь, что смысл по определению выходит за рамки эмпирического бытия, мало кто задумывается.

Можно определить духовное от противоположно-го. Почти все, что подают сейчас СМИ, – антидуховно. Поздравляя телевизионный канал «Культура» с десяти-летием, президент сказал, что он вносит духовность, тем самым отделив его от всех остальных каналов и вводя своеобразный критерий духовности: что показы-вают по каналу «Культура», то и духовно. А рейтинг телевизионных каналов, в котором на первом месте «Первый», а «Культура» замыкает десятку, свидетель-ствует о состоянии общества. Люди подхватываются мощным мутным потоком информации и беспомощно барахтаются в нем.

Н.К.Рерих писал о «мятеже психической энергии», «если человек ограничивает себя духовною нищетою, ложью ради тленности сегодняшнего дня»⁹³. Тем, что психическая энергия не переходит, как следовало бы в соответствии со смыслом жизни в духовную, можно объ-яснить агрессивность современного общества. Мятеж психической энергии ведет к насилию, войнам, престу-плениям, революциям, хотя у них есть и другие причины. Как гласит русская пословица, «подымешься, дух захва-тит; опустишься, обухом хватят».

Можно провести аналогию между духовной и бы-товой культурой, в соответствии с которой, скажем, нож во время еды полагается держать в правой руке, а вилку в левой. Если мы иногда берем вилку в левую руку (на-пример, в ресторане), то соблюдаем требования быто-вой культуры. А много ли тех, кто дома в одиночестве берет вилку в левую руку, и, не заставляя себя, а почти инстинктивно? Больше ли одного процента? Считается, что творческих людей, т. е. людей, способных созда-вать новое в духовной сфере, порядка одного процента. А сколько духовных людей, т. е. постоянно живущих в

сфере духа? Конечно, не обязательно, чтобы духовный человек был творческим, но ведь и не всех творческих людей можно назвать духовными.

Мы сидим на лекции, на концерте и внимательно слушаем, находясь в духовной сфере. Но вот мы вышли из концертного зала, из студенческой аудитории, и что с нашей духовностью? Мы снова, так сказать, берем вилку в правую руку, как нам удобнее. Как писал Н.К.Рерих, «подъемы духа бывают очень кратковременны, тогда как озверение бывает вполне естественным пополнением жизни»⁹⁴.

Власть имущие могли бы исправить ситуацию в обществе, но не хотят. Отдельный человек может только отойти в сторону и искать оазис духовности. Если ничего не можешь сделать с миром, то надо духовно выйти из него. И все же большинству людей Пушкин дороже министров и олигархов. Человек интуитивно чувствует и знает, что духовность лучше и выше. И это дает надежду.

Важно выяснить также, что такое духовная энергия, в которую должна переходить психическая, и чем они отличаются между собой. Понятие психической энергии является общеупотребительным в психологии. Это энергия наших чувств, высшей нервной деятельности человека и животных. Все люди в зависимости от своего темперамента и иных свойств обладают разным запасом психической энергии. Он различен у холериков, меланхоликов, флегматиков и сангвиников. Известный экстрасенс Т.Г.Дадашев говорит, что действует не биополями, не гипнозом, а психической энергией и той необъяснимой словами силой, с помощью которой уже много лет помогает людям. Создатель концепции этногенеза Л.Н.Гумилев ввел понятие «пассионарий» (от слова «пас-

сия» – страсть) для обозначения людей, которые, обладая большим запасом энергии, объединяют вокруг себя массы, в результате чего образуется этнос.

Понятие духовной энергии используется преимущественно в философии и религии. «Духовной энергией проникнута вся неорганическая природа, все мироздание. Но только в высших формах развития (творения) эта энергия достигает значения свободного, самосознающего духа»⁹⁵. Духовная энергия творит, по Войно-Ясенецкому, материальные формы. Воздействие Духа на природу – не одноразовое творение Богом природы и человека. Все формы мироздания возникают под непрерывным влиянием Духа. Здесь мы видим синтез христианской точки зрения с аристотелизмом. «Не только глаза – зеркало души, но все формы тела и его движения соответствуют душе, духу его... Во всей внешности человека ярко отражается духовная сущность его»⁹⁶. Мы говорим «одухотворенное лицо» (тело). Эта же духовная энергия проявляется не только в эмбриональном развитии человека, но и в деятельности художника, который вкладывает духовную энергию в свои творения, оживляя и одухотворяя их (как Леонардо да Винчи в образ Моны Лизы). На этой способности оживотворять духовной энергией художественный образ основан миф о Пигмалионе и Галатее.

Мысль может, по Парацельсу, творить духов, которые, приняв форму, становятся доступными нашим органам чувств. Мозг – источник энергии, преобразующейся в силу. Создатель квантовой теории В.Гейзенберг писал, что физический мир может обрести любую форму под воздействием энергии человека, который способен мгновенно взаимодействовать с глобальным информационным полем Земли и находить искомое в его лабиринтах.

Как говорил телепат В.Мессинг, его подсознание связывается с «чем-то» или с «кем-то» и дает информацию о прошлом, настоящем и будущем.

Н.А.Бердяев писал, что «...в цивилизации иссякает духовная энергия, угашается духовный источник культуры»⁹⁷, имея в виду, что духовная энергия наиболее высока на творческих стадиях развития культуры. На иконах духовный свет изображается в виде нимба и славы над и вокруг святых и существ иного мира. Богословы утверждают, что «всем клеткам тела присуща духовная энергия, ибо они живы, а жизнь от Духа»⁹⁸. Нимб и слава свидетельствуют о большом количестве духовной энергии. Люди, пережившие состояние клинической смерти, утверждают, что они видели Светящееся Существо и общались с ним не словами, а потоком энергии. Даже материалисты писали, что идея, овладевая массами, становится материальной силой. Произведения культуры, в частности, архитектура, определяются как «застывшая энергия».

Н.К.Рерих употреблял понятие «созидательной энергии». Под духовной энергией можно понимать энергию, направленную на созидание. Рерих называл творцов «воплотителями мыслей». Он говорил также о «строительной энергии», имея в виду, что «не рука, но мысль и творит, и убивает»⁹⁹.

Сформировав положение, что человек стал крупнейшей геологической силой на нашей планете, Вернадский писал: «Здесь перед нами встала новая загадка. Мысль не есть форма энергии. Как же может она изменять материальные процессы? Вопрос этот до сих пор научно не разрешен», хотя «...эмпирические результаты такого “непонятного” процесса мы видим кругом нас на каждом шагу»¹⁰⁰. Но если наука данный вопрос не решила, можно привле-

кать данные других отраслей культуры: мифологическое понятие «мана» (энергия, пронизывающая бытие), религиозное представление о духовном свете, философское воззрение об эманации духовной творящей силы и т. п.

Представители различных отраслей культуры пишут, что сфера человеческих мыслей и устремлений, которая определяет ход материальных событий, представляет собой особую энергию, а совокупность мыслей создает энергетическое пространство, или эгрегор. П.А.Флоренский, который одновременно был священником, философом и ученым, изучал духовную энергию с научных позиций. Он предложил термин «пневмосфера» для обозначения «особой части вещества, вовлеченной в круговорот культуры, или, точнее, круговорот духа»¹⁰¹.

Современный философ А.К.Манеев выдвинул гипотезу о наличии у человека псиполя, которое может изменять материальную среду. Гипотеза души как биопсиполя объясняет связь «вещественного тела с душой, т. е. столь же материальной подсистемой, хотя и невещественного, полевого типа»¹⁰². Тогда переход психической энергии в духовную представляется как взаимосвязь различного типа материальных полей. Но и без материальной интерпретации души и духа можно рассматривать духовную энергию по аналогии с физическими видами энергии. Как показывает современная физика, вещество неразрывно связано с полем, создаваемым веществом вокруг себя. Вещество и поле – два вида материи. Главная характеристика вещества – масса, главная характеристика поля – энергия. По аналогии можно считать, что и в идеальной сфере есть свое вещество – содержание мыслей, и своя энергия. По поводу аналогии между физическим миром и физическими энергиями, с одной стороны, и духовным миром и духовными энер-

гиями, с другой, Войно-Ясенецкий писал: «Если так очевидно, что движение составляет сущность и основной закон материальной природы, то вряд ли возможно, чтобы этот всеобщий мировой закон не царил также и в жизни духа»¹⁰³. В любом случае, духовную энергию можно рассматривать как гипотезу.

Интересно, что еще древние греки отождествляли дух (логос) с огнем (Гераклит) и трактовали его энергично (Аристотель) как истекающий из космического ума. Еще одно слово для обозначения духа – «пневма» – связано с функциями дыхания живого существа. Часты упоминания духовного огня: как в античности у Гераклита, у которого Логос обозначает и разум и огонь, так и в средние века (например: «огонь духовный, пришедший в сердце, воскрешает молитву» – Иоанн Лествичник). В ранних натурфилософских школах Греции пневма обозначала воздух, ветер, дуновение, дыхание. «У стойков такая огненная пневма разливается по всему космосу, организуя его своим энергичным логосом, или даже логосами»¹⁰⁴. Русское слово «дух» связано с дыханием и имеет также значения смысла («дух веры христианской») и «искры Божией» как отличающей человека от животного.

Процесс трансформации (или, если сказать более религиозным языком, преображения) телесного в духовное можно представить по аналогии с процессом распада радиоактивных химических элементов. Исходный материал в процессе ядерного распада неумолимо уменьшается, и вещество постоянно и необратимо трансформируется в энергию. «Так же и жизнь, можно сказать, утрачивает со временем все больше и больше своего “заготовочного материала”, так что в конце превращается в “чистую форму”»¹⁰⁵. Мы сгораем, производя духовный свет.

Здесь встает каверзный вопрос. Большинство людей имеет весьма отдаленное отношение к творчеству. Созданием духовных ценностей занимается менее 1% населения. Значит большинство людей неспособно осуществить смысл жизни? Ответ будет такой. Люди осуществляют смысл жизни не только сознательно, но и бессознательно, не только непосредственно, но и опосредованно. Мать, отдающая себя воспитанию ребенка, осуществляет смысл жизни не прямо, а косвенно. Можно ввести понятие *квазисмысла*, под которым понимается именно косвенная реализация смысла жизни. В качестве квазисмыслов выступают все традиционные понимания смысла: работа, семья, дети, близкие, родина, народ, нация, человечество. О таком квазисмысле писал А.Ф.Лосев: «Или жизнь согласно с родным и всеобщим, с Родиной, и тогда она – самоотречение, или жизнь вне связи с родным и всеобщим, с Родиной, и тогда она – бессмыслица». Квазисмысл столь же полезен для психического здоровья человека и его полноценной жизни, как и подлинный смысл, поскольку его реализация ведет к реализации смысла космического целого (что особенно интенсивно подчеркивали стоики).

Не надо также забывать, что природа действует с огромным избытком. «Несколько идеальных судеб, несколько интеллектуальный или нравственных гениев или даже единичная такая личность, появляясь время от времени, могут вполне оправдать существование человечества в целом»¹⁰⁶. В.Франкл говорит о законе сохранения духовной энергии. «Согласно этому закону, ни одна драма или трагедия внутренней жизни человека никогда не проходила впустую, даже если они разыгрывались в тайне, не отмеченные, не прославленные ни одним романистом»¹⁰⁷.

Наконец, еще один непростой вопрос: кому нужно то духовное, что производит человек? Можно считать, что растения стараются для животных, животные – для человека, а сам человек? Создаваемые духовные продукты нужны 1) самому человеку, который потребляет духовное в процессе своей эволюции. Войно-Ясенецкий приводит такой пример: «Беззаветный порыв одного храбреца может увлечь все войско... Чем, если не могучей духовной энергией назвать эту всепобеждающую силу»¹⁰⁸. Духовная энергия может идти на решение проблемы воскрешения умерших в смысле философии «общего дела» Н.Ф.Федорова. Если эволюция не заканчивается на человеке, то 2) духовное будут потреблять те существа, которые возникнут в процессе эволюции после человека – сверхчеловеки, которые, если верить писателям-фантастам, могут выглядеть в виде существ, имеющих огромный мозг. В процессе дальнейшей цефализации разумного существа у него постепенно будут атрофироваться руки, ноги и другие органы тела, но будет усиленно развиваться мозг, становясь доминирующим органом и по объему, и по значению. Создаваемые ныне информационные поля, ноосфера, как бы загодя готовятся для питания этого духовного сверхчеловека. Возможно также, 3) что и сейчас во Вселенной существуют иные, более разумные, чем человек, существа, которые могут питаться производимыми человеком духовными продуктами. Уфологи утверждают, что инопланетяне захватывают ежегодно миллионы людей, и то ли проводят над ними эксперименты, то ли берут от них нечто, необходимое им самим (тут возникает вопрос: а какой энергией воздействуют на людей инопланетяне?) Возможно, 4) что в космосе не только три измерения, которые мы знаем, а существуют иные параллельные

миры, в которых обитают существа, иногда попадающие в наш мир и пользующиеся производимым нами. Возможно 5) существуют метафизические идеальные миры, о которых пишут философы (наподобие мира идей Платона) и сообщают визионеры (типа Д.Андреева с его «Розой мира»), которые управляют нашей Вселенной и потребляют производимые человеком идеальные продукты. Наконец, 6) творимое человеком духовное может быть нужно Богу, создавшему мир, и ангельским чинам.

Если бесы питаются страстями умерших, как писал Феофан Затворник («Чего ищут эти мытники в проходящих? Того, нет ли у них ихнего товара. Товар же у них какой? Страсти»), то почему же ангелы не могут питаться положительной духовной энергией, производимой праведниками? Здесь мы погружаемся в область, которая является потусторонней по отношению к науке и о которой естествознание не может дать какой-либо достоверной информации. Иногда возражают: ну, да, будут ангелы питаться человечинной. Но ведь люди питаются произведениями других людей. То, что составляет суть воспитания, тоже можно назвать «питаться человечинной».

Духовная энергия считается той силой, которая создала мир. Войно-Ясенецкий писал, что нет оснований «отрицать законность нашей веры и уверенности в существовании чисто духовной энергии, которую мы считаем первичной и первоисточницей всех физических форм энергии, а через них и самой материи?»¹⁰⁹. Здесь духовная энергия понимается как божественная сила, создавшая мир. Для Войно-Ясенецкого духовная энергия – это «всемогущественная любовь Божественная». В подтверждение приводятся слова Псалма: «Словом Господним небеса утверждены и Духом уст Его вся сила их» (Пс. 32: 6). В искусстве притяжение (силу тяготы-

ния) традиционно сравнивали с любовью (например, Ф.Шиллер). «Энергией любви, излившейся по всеблагой воле Божией, Словом Божиим дано начало всем другим формам энергии, которые, в свою очередь, породили сперва частицы материи, а потом через них и весь материальный мир»¹¹⁰. Если «...духовная энергия, истекающая от Духа Божия, энергия любви движет всей природой и все животворит»¹¹¹, то духовная энергия, вырабатываемая человеком, может направляться на эти же цели. Тогда древние магические обряды объясняются коллективным производством духовной энергии, идущей на поддержание функционирования мира, во что верили первобытные люди.

Следует остановиться также на социальных аспектах смысла жизни. Индивидуальный смысл связан со сверхсмыслом, смыслом целого, Вселенной, бытия, истории, поскольку человек – часть социального и природного Космоса. «...*один* человек – это вообще не человек, потому что человеческая духовность – сверхличное явление»¹¹². Понимание себя как части целого помогает человеку обрести смысл своего существования; наоборот, самозамкнутость человека на себя мешает обретению смысла. Людей, осознавших свой индивидуальный смысл как часть всеобщего и стремящихся к осуществлению общечеловеческого и даже космического смысла, модно обвинять в миссионерстве. Обвиняют даже целые нации (например, русскую). В то же время в логотерапии «экзистенциальный анализ учит людей воспринимать жизнь как “миссию”»¹¹³.

Аналогично индивидуальному смыслу жизни можно говорить о смысле существования общества и социальных институтов, включая государство. Смысл существования социальных институтов заключается в помощи

индивидам в поиске и реализации их смысла жизни, поскольку социальные институты и необходимы для решения задач, стоящих перед людьми.

Как в масштабе личности смыслом не может быть удовольствие и сытость, так в масштабе государства не может быть смыслом экономика и политика. «Все крупные государственные деятели христианских стран понимали (в Средние века. – А.Г.) смысл государства не в развитии экономики, а в обеспечении условий, способствующих спасению души каждого подданного от крестьянина до герцога и короля. Если государство не обеспечивало это, оно понималось как бессмысленное. Развитие экономики понималось как вспомогательное средство, способствующее реализации главной задачи»¹¹⁴.

Проблема смысла жизни связана и с понятием «национальной идеи» (в том числе «русской идеи»), об обретении которой говорят на разных уровнях. Но как она может возникнуть, если людей подавляют навязанные извне смыслы. «Идет война. В прямом смысле. В этой войне стреляют из СМИ по духовным основам»¹¹⁵. Пока люди будут поддаваться чуждым смыслам, никакой национальной идеи возникнуть не может. «Если человек примерно до 25–30 лет воспитывается “свободными СМИ”, он превращается в социальное животное, которому неведомы высокие темы и все те качества, которые составляют суть человека, т. е. понятия долга, чести и совести. Ему не кажется странным, что он не знает смысла жизни. Более того, ему кажется странным слышать вопрос: а в чем он, смысл жизни?.. Если нацию лишить смысла существования, она из народа превращается в массу»¹¹⁶. С другой стороны, рост социальной несправедливости резко обостряет проблему личного и группового смысла жизни и ведет к активизации

протестных выступлений. Среди их причин называют, наряду с нищетой, ростом цен и безработицей, бессмысленность жизни.

Многие сейчас полагают, что национальной идеей России должно стать сбережение населения. Это оправданно, учитывая трагичную демографическую ситуацию в России. Но для человека и нации мало только сохранения себя. Помимо этого в их задачу входит реализация того предназначения, ради которого и живут люди и этносы на земле. «Духовность делает народ единым целым организмом, способным к высокому творчеству и созиданию... Масса приходит в движение, следуя за свободными воинами духа»¹¹⁷.

Условия обретения и реализации смысла жизни

Смысл жизни не обретается полным погружением в жизнь, поскольку предполагает выход к границе бытия. Но он не обретается и через освобождение от всех житейских бурь. Напротив, он открывается через осуществление желаний и осознанное страдание, и в то же время через открытие смысла обретается возможность осуществления всех желаний и избавления от всех страданий. Смысл жизни познается и создается не как нечто потустороннее, но и не как нечто посюстороннее, а как пограничное, к которому можно прикоснуться на границе жизни с тем, что открывается за ее пределами. Для обретения смысла жизни необходимы пограничные ситуации, но особого рода, смысловые ситуации. В пограничных ситуациях, не связанных с поиском смысла жизни, раскрывается только ничто, от-

чаяние и страх, поскольку человек как подлинная личность функционирует и раскрывает себя в процессе обретения смысла жизни.

Познающий смысл жизни человек должен быть в мире и одновременно как бы вне его. Только в такие моменты на него находит счастливое прозрение, примеры которого дают великие мистики и гениальные поэты, разум и чувства которых прорываются к единому бессознательному источнику – человеческой природе.

Современному человеку жизнь представляется абсурдом и случайностью. И нет другого пути для того, чтобы выйти из разъедающего скептицизма и безверия, кроме как через деятельность, пытающуюся превзойти диалектику жизни. Смысл жизни как синтез деятельности и результата настолько диалектичен, что выходит за рамки узко понятой диалектики, вступая в диалектический синтез с метафизикой. Именно такая диалектика, развиваемая еще Платоном, необходима для поиска смысла жизни.

Итак, мы живем для того, чтобы разгадать загадку бытия и найти смысл жизни. Каковы предварительные условия этого процесса, средства и способы поиска? Прежде всего индивидуальная *духовная свобода*. Смысл жизни индивидуален и уникален, как и каждый человек, ищущий его; индивидуален не в том смысле, что каждый преследует свои эгоистические цели, которые никогда не могут совпадать с целями другого, а в том, что каждый идет к обретению смысла (который возможно окажется общим для всех людей) своим индивидуальным путем. Часто, жалуясь на бессмысленность современной жизни, люди ждут, что смысл ее придет к ним сам собой, что его дарует Бог, царь или герой. Тщетные ожидания. Никто, кроме себя, не сможет найти свой личный смысл жизни и не может найти его за другого.

Поэтому принципиально важно, чтобы каждому была обеспечена возможность самостоятельного поиска смысла жизни. Ни один человек, ни одно поколение не должно быть средством для другого человека и поколения. Самопожертвование при этом отнюдь не ставится под угрозу, наоборот, открывается путь к истинному добровольному самопожертвованию. Однако нельзя забывать, что невозможно сделать человека счастливым насильно, даже путем собственной жертвы, так же как нельзя сделать его счастливым, отвернув от поиска жизни, поскольку только непрерывный индивидуальный поиск смысла может принести истинное удовлетворение человеческой душе. Относительно самопожертвования скажем, что никогда не следует отказываться от себя, даже во имя всеобщего счастья, потому что оно не возможно, если какой-либо индивидуум погибнет или будет несвободен. Именно поэтому самопожертвование в принципе парадоксально. Однако и противоположная крайность нелепа. В наш век отчуждения и самоотчуждения модно высказывание «я ничего никому не должен». В принципе верно. Но у человека есть один, самый великий долг – перед самим собой, и только живя поистине для себя, обретая свой собственный смысл жизни, человек тем самым живет для других, помогая им своими поисками.

Мы живем в трудное время, когда смысл жизни потерян. Однако, в определенном плане это и хорошо: никакие предрассудки века не мешают искать смысл. Мы обладаем столь тяжелой внутренней свободой поиска и должны бороться, помимо всего прочего, с собственной косностью и ленью, мешающими осуществлению нашего предназначения.

Духовная свобода – первое условие (более внешнее, но и внутреннее также) плодотворности процесса поиска смысла жизни. Второе условие – *мир* в душе и на Земле,

чтобы люди получили возможность спокойно разобраться в себе и в мире, помогали каждый каждому в трудной задаче обретения смысла. Мир выступает как определенное развитие концепции свободы поиска смысла. В подобном поиске люди не будут ущемлять ничьей свободы, потому что смысл – не кусок хлеба, за который необходимо драться и который не может быть общей собственностью.

Но как примирить отдельные индивидуальные смыслы? Если истина для каждого своя, то, как возможна социальная жизнь? Она возможна и более того необходима, поскольку смысл жизни хоть и познается каждым для себя, но сама возможность познания гарантируется совокупным действием всех. Для такого действия мало только мира между людьми и народами – нужна еще и *всеобщая любовь*. Единение людей и их следование общим целям возможно в любви друг к другу как в адекватной форме общения подлинных личностей. И чувственное наслаждение, и аскетическое самоотрешение свою полноту обретают именно в любви как разумно-чувственном состоянии, в наибольшей степени соответствующей той сущности жизни, которая находится на границе законосообразной эмпирической реальности и чуда. Не исключено, что истина окажется единой для всех¹¹⁸, но обретение ее станет возможно только на основе конкретной любви, ведущей к объединению интересов и подлинно коллективному творчеству. Отгадать загадку бытия можно только через творческий подъем духа и души, адекватный целостной разумно-чувственной природе человека, который способствует превращению индивидуума в подлинную личность, творит ее (одного освобождения человека еще мало, хотя самотворение способствует ему) и через это творит (а не просто освобождает) все человечество. Всякий нетворческий труд бессмыслен в себе и ведет в

«ничто», поскольку противоречит созидательной природе человека. Творческий труд ответственен за созидание бытия. Собственно говоря, отгадывание тайны бытия представляет собой творческий процесс его созидания, и без индивидуального и коллективного (в любви) творческого порыва сделать тут ничего нельзя. Речь идет именно о творении, поскольку о недоступном – о том, что на границе (горизонте) – мы узнаем, эту границу конструируя.

Чудо бытия раскрывается через чудесную деятельность – *любовь и творчество*, которые в отличие от свободы и мира – предварительных условий поиска смысла жизни – являются адекватным способом постижения и становления смысла. В любовном стремлении достичь его и в его творческом постижении и созидании и есть он сам.

То, к чему мы должны пробиться – не ничто и не нечто эмпирически доступное, а горизонт бытия материальный и идеальный одновременно. Известен путь, адекватный решению, и сам он раскрывается как смысл жизни. Творчество и любовь духовно и физически создают человека, делают его существование подлинным. Путь любви и творчества не просто средство достижения цели. Он требует таких волевых усилий и веры в успех, такого творческого подъема или любовного обращения к миру, что здесь мы имеем как раз тот случай, когда средство вполне может быть отождествлено с целью. Любовь и творчество – путь к смыслу, но они и есть самый смысл, становящийся в мире, за счет которого все существует. Любовь и творчество лежат в основе строительства бытия, и когда человек приобщается к ним, страх уступает место уверенности. Любовь и творчество составляют основу двух групп смыслообразующих ценностей – ценностей созидания и ценностей переживания. Это истинное человеческое дело, а все остальное – игра.

Вряд ли удастся эмпирически подтвердить правильность такого ответа, но следует через овладение всеми культурными богатствами, которые выработало человечество, через любовно-творческий разумно-чувственный порыв, в котором скреплены все силы души и духа, обрести уверенность в его правоте и оправдать истинно человеческое предназначение: жить так, чтобы в любви к миру создавать свою личность как творческую индивидуальность, призванную разгадать тайну жизни и смерти. Не в растворении себя, а в самосозидании ключ к разгадке. Человек не осознает своих действительных интересов и желаний; он отчаялся понять, для чего заброшен в мир. Отсутствие настоящих идеалов разлагает душу и общество в целом, и в нем размножаются ложь, насилие, разврат. Не следует торопиться переходить от объяснения мира к изменению его. Великой задачей философии всегда будет понимание мира и обретение смысла, а мир будет сам меняться в процессе его понимания должным образом, если человек будет жить в соответствии с ним.

Понимание творчества и любви как высших ценностей бытия свойственно и идеализму и материализму. В первом случае Любовью и Творцом называется Бог, во втором творчестве выступает как саморазвитие, а любовь – как единение. Идеализм, однако, склонен помещать творчество и любовь по ту сторону эмпирической реальности, а материализм видит их всецело по эту сторону. И в том, и в другом случае нет истинной диалектики, которая определила бы творчество и любовь как горизонтный смысл жизни, смысл, дающий выход в этом мире и одновременно выход в другой мир.

Может ли современный массовый человек выполнять задачу поиска смысла жизни? Пятым основным условием обретения смысла жизни выступает *целостность*

личности, отдельные центры которой действуют скоординировано, объединенные общей целью. Современный человек – расщепленный человек, разум и чувства которого функционируют отвлеченно друг от друга, что особенно ярко можно видеть на достигшем огромного размаха процессе идеологизирования. Отвлеченный рационализм идеологов подсказывает им много хороших слов о стремлении к всеобщему счастью и благоденствию, а отвлеченная чувственность толкает к власти, сексу, материальному потребительству. Расщепленный человек действует как лебедь, рак и щука, и до тех пор, пока он останется таковым, ему ни на шаг не продвинуться в поисках смысла жизни. Он понимает это и отказывается от безуспешного предприятия. Однако отказ от поиска смысла жизни способствует его дальнейшему расщеплению, так как наличие единой цели, к которой стремится человек, скрепляет его центры и увеличивает их координационную способность, а отсутствие такой цели действует противоположным образом. Человек, променявший высшую цель на цели мелкие и ничтожные, сам становится мелким и ничтожным.

Лечение в логотерапии представляет собой, в первую очередь, объяснение того, что в человеке есть духовное (его личность), которое не сводимо к психофизическому и не детерминируется им. «...сущность невроза: отказ от «Я» в пользу «Оно», отказ от личности и экзистенциальности в пользу фактичности»¹¹⁹. Больного неврозом отличает от здорового именно невозможность подняться над своей болезнью. Для конкретного лечения неврозов важно, чтобы человек почувствовал, что он как личность есть нечто иное, чем его болезнь, что он не должен замыкаться в ней, а может подняться над ней и справиться с ней. «Любая психотерапия, – подытоживает В.Франкл, – должна в конечном счете строиться на ноопсихиче-

ском антагонизме»¹²⁰, между психическим и духовным. Возвращение с помощью психиатра к собственной личности и составляет суть экзистенциального анализа.

Итак, первый шаг на пути лечения неврозов, их профилактики и обретения смысла жизни – это осознание духовного в человеке как относительно автономной и руководящей субстанции. Апелляция к духовному облегчает постановку вопроса о субъекте поиска смысла жизни. Им является дух человека, не сводимый к его психофизиологической составляющей. Духовное «отделяется как существование от фактичности и как личность от характера примерно так же, как фигура отделяется от фона»¹²¹. От выявления свободного и автономного духовного в человеке ниточка ведет к пониманию творения духовного как смысла жизни человека.

Для вхождения в духовную сферу используются различные виды психотехники, в том числе медитацию, хотя отдельные люди могут входить в духовную сферу без всяких методик. Кстати, такие методы, как аутогенная тренировка, используются в медицине для лечения сердечно-сосудистых и других заболеваний. Техника логотерапии основывается также на парадоксальной интенции (усилении того, что беспокоит), с помощью которой достигается духовное самоотстранение, и дорефлексии (не думать о беспокоящем), с помощью которой достигается самотрансцендентация.

За осознанием наличия духовного в человеке следует понимание того, что духовное основывается не на побуждении влечений, а на стремлении к ценностям, к смыслу. «Это духовное стремление к смыслу включает в себя на психическом уровне влечения как источник энергии»¹²². Организм выполняет роль инструмента, средства, которое использует личность для реализации своих целей,

но не роль демиурга, которому подчиняется личность. Из всех возможностей, которые предоставляет человеку судьба и психофизиологический базис, он должен выбрать ту, которая соответствует его индивидуальной жизненной программе и которую может реализовать именно он и никто другой. Здесь на первый план выходит чувство ответственности за осуществление смысла.

Побочным продуктом осуществления смысла является самоактуализация, поскольку стремление к реализации уникального смысла своей жизни делает каждого человека неповторимой личностью. Даже если смысл жизни один на всех, у каждого «свой, неповторимый жизненный курс, следуя которым мы можем реализовать свои личные, только нам данные возможности»¹²³. Представим сказанное в виде схемы:

Осознание индивидуальной души → Создание духовной личности → Обретение и реализация смысла жизни

Между созданием духовной личности и обретением смысла жизни имеется контур положительной обратной связи, формирующий так называемый триггерный эффект, или эффект снежной лавины. Чем сильнее духовная личность, тем яснее осознание смысла жизни, но последнее ведет к дальнейшему укреплению личности и одновременно к более успешной реализации смысла жизни, поскольку смыслом жизни является трансформация телесного в духовное.

Вместо заключения. Конец игры

Весной 2007 г. меня пригласили в Театр у Никитских ворот на премьеру пьесы одного из столпов «театра абсурда» С.Беккета «Конец игры». Становлению «театра

абсурда» во многом способствовало философское направление экзистенциализма, которое утверждало абсурдность (бессмысленность) человеческого существования. В отсутствие смысла, что же дает людям силы жить? По Беккету, который основывается еще и на модной концепции Й.Хейзинги «Хомо луденс» («Человек играющий») – это игра.

Герои Беккета не доказывают, наподобие Хейзинги, что жизнь – игра (или в варианте Германа из «Пиковой дамы»: «Что наша жизнь? Игра»). Они стремятся к игре в самых примитивных ее формах, как гаранту их собственной жизненности. Их кредо: «Пока я играю, я жив».

Спектакль вызвал у меня ощущение незаконченности, и как потом выяснилось, объяснялось оно тем, что сами актеры и режиссер еще не вполне поняли, как им играть эту гениальную пьесу. Абсурду на сцене и в жизни может быть противопоставлен только смысл. Конец игры – не смерть, как думают герои пьесы Беккета, а обретение смысла. Как только смысл обретен, игра кончается и начинается осмысленная жизнь. Тогда человек говорит: «Конец игре» и впервые становится поистине серьезным.

Примечания

- 1 Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. I. М., 1975. С. 108.
- 2 Материалисты Древней Греции. М., 1956. С. 87.
- 3 Там же. С. 82.
- 4 Аристотель. Метафизика // Аристотель. Собр. соч. Т. 1. М., 1976. С. 95.
- 5 Там же. С. 94.
- 6 Цит. по: Секст Эмпирик. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1975. С. 12.
- 7 Секст Эмпирик. Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 213.
- 8 Там же. С. 222.
- 9 Гадамер Х.-Г. Что есть истина? // Логос. Вып. 1. 1991. С. 31.
- 10 Гартман Э. Философия бессознательного: В 2 т. Т. 2. С. 418.
- 11 Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. I. С. 126.
- 12 Там же.
- 13 Там же. С. 357.
- 14 Там же. С. 301.
- 15 Там же. С. 110.
- 16 Там же. С. 139.
- 17 Цит. по: Трофимова М.К. Историко-философские вопросы гностицизма. М., 1979. С. 35.
- 18 Гегель Г. Феноменология духа. С. 26.
- 19 Там же. С. 21.
- 20 Соловьев В.С. Соч.: В 10 т. Т. 2. СПб., б. г. С. 296.
- 21 Там же. С. 354.
- 22 Там же. С. 295.
- 23 Там же. С. 308.
- 24 Там же. С. 326.
- 25 Там же. С. 331.
- 26 Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 96.
- 27 Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М., 1998. С. 47.
- 28 Флоренский П.А. // Цит. по: Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1918. С. 68.
- 29 Там же. С. 15.
- 30 Рассел Б. Мое философское развитие // Проблема истины в современной западной философии науки. М., 1987. С. 136, 141.
- 31 Соловьев В.С. Соч.: В 10 т. Т. 2. С. 350.
- 32 Там же.

- ³³ *Полани М.* Личностное знание на пути к посткритической философии. М., 1985. С. 246.
- ³⁴ *Гадамер Х.-Г.* Цит. соч. С. 33.
- ³⁵ *Фоллмер Г.* Эволюционная теория познания. М., 1998. С. 55.
- ³⁶ *Гадамер Х.-Г.* Цит. соч. С. 34.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. С. 35.
- ³⁹ *Лоренц К.* Цит. соч. С. 37.
- ⁴⁰ *Фейербах Л.* Избр. произведения. Т. I. М., 1955. С. 203.
- ⁴¹ *Зеленогорский Г.* Жизнь и деятельность архиепископа Андрея Ухтомского. М., 1992. С. 176, 177.
- ⁴² Необходимо сказать несколько слов о том, что такое природа и дух, и каково соотношение между ними, поскольку это основные понятия, представляющиеся более фундаментальными, чем понятия материи и сознания, мышления и бытия. И вот почему. Дух не сводится только к сознательной деятельности, к мышлению, а представляет собой синтез сознания и бессознательного в человеке. Материю часто понимают в смысле демокритовского представления о природе как состоящей из отдельных телесных атомов, а хотелось бы иметь более широкое и менее связанное с конкретной космогонической гипотезой противостояние понятию духа. Термин «природа» предпочтительнее термина «бытие» поскольку включает в себя генетический аспект как такое, что не только противоплагается духу, но образует с ним единство, выступая его основой. Говоря «природа духа», мы имеем в виду его происхождение, принцип существования, и это связывает оба понятия. Когда же мы говорим «бытие духа», то имеем в виду его пребывание, но не происхождение.
- ⁴³ Евангелие от Филиппа. Цит. по: *Трофимова М.К.* Историко-философские вопросы гностицизма. М., 1979. С. 178.
- ⁴⁴ Антология мировой философии: В 5 т. Т. 1. Ч. 1. М., 1969. С. 279.
- ⁴⁵ *Декарт Р.* Рассуждения о методе. М., 1953. С. 24.
- ⁴⁶ *Гегель Г.* Соч. Т. I. М.–Л., 1930. С. 51.
- ⁴⁷ *Рассел Б.* Человеческое познание. Его сфера и границы. М., 1957. С. 127.
- ⁴⁸ *Аристотель.* Метафизика. С. 154.
- ⁴⁹ *Соловьев В.С.* Смысл любви // *Вопр. философии и психологии.* Кн. I. 1893. С. 121.

- ⁵⁰ *Штирнер М.* Единственный и его собственность: В 2 т. Т. 2. С. 229, 231, 222.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же. С. 233.
- ⁵³ *Полани М.* Личностное знание на пути к посткритической философии. М., 1985. С. 19.
- ⁵⁴ Там же. С. 246.
- ⁵⁵ Там же. С. 102.
- ⁵⁶ *Лаудан Л.* Наука и ценности // Современная философия науки: знания, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. Хрестоматия. М., 1996. С. 301.
- ⁵⁷ Там же. С. 310.
- ⁵⁸ Выбор какого-либо предмета в качестве истины произволен. Можно почитать за истины предметы, которые видишь, понимаешь или (и) в которые веришь. Действительно, в истории человеческой мысли за истины принимались ощущения, суждения, откровения, внешний мир и человеческое «Я». Во всем этом есть доля истины. Ощущения обладают свойством реальности. Б. Рассел справедливо полагал, что даже, если ощущениям явно ничего не соответствует в окружающей действительности (когда мы, например, что-то ощущаем во сне; правда, есть мнение, что во сне происходит реальное психическое взаимодействие), они сами тем не менее реальны как ощущения. Точно так же и дух истинен, даже если его утверждениям ничего не соответствует в окружающем мире. Истинность духа не может удостоверяться фактами внешнего мира, потому что они проблематичны вне духа. Если утверждению духа соответствует нечто в действительном мире, это не есть единственное возможное свидетельство его истинности (он истинен в силу своего существования), а лишь удостоверение его свойства предвидения и отражения. Если же его положениям не соответствует нечто в действительном мире, то это не свидетельство его ложности, а проявление его свойства творить. То, что не все прогнозы сбываются, можно отнести к несовершенству мыслительного аппарата, но не духа. Интуиция духа никогда не ошибается. Так считал Э. Гартман в своем анализе бессознательного, поскольку его бессознательное в человеке есть не что иное, как первая ступень духа. В эмпирическом мире все призрачно с точки зрения ощущений и проблематично с точки зрения разума, и не в нем следует искать истину, да еще к тому же независимую от человека.

- ⁵⁹ Бердяев Н.А. *Философия свободы*. С. 96.
- ⁶⁰ Герцен А.И. *Былое и думы*. М., 1973. С. 408.
- ⁶¹ Сенека Л.А. *Нравственные письма к Луцилию*. М., 1977. С. 317.
- ⁶² Цит. по: Бердяев Н.А. *Философия свободы*. С. 80.
- ⁶³ Сенека Л.А. Цит. соч. С. 62.
- ⁶⁴ Писарев Д.И. *Схоластика XIX в. // Писарев Д.И. Соч. Т. I. М., 1955. С. 135.*
- ⁶⁵ «Правда – истина на деле, истина во образе, во благе; правосудие, справедливость... праведность, безгрешность» (*Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3. М., 1999. С. 379*). «Все минется, одна правда останется», «правда светлее солнца», «не в силе Бог, а в правде», «без правды не житье, а вытье», «про правду слышали, а кривду видели» (русские пословицы).
- ⁶⁶ Гадамер Х.-Г. Цит. соч. С. 37.
- ⁶⁷ Франкл В. *Человек в поисках смысла*. М., 1990. С. 5–6.
- ⁶⁸ Там же. С. 150.
- ⁶⁹ Там же. С. 153.
- ⁷⁰ Там же. С. 67, 157.
- ⁷¹ Там же. С. 30.
- ⁷² Там же. С. 158.
- ⁷³ Говоря о скептицизме, стоицизме, цинизме и эпикурействе я имею в виду, прежде всего, не известные в прошлом философские школы, которые с предельной заостренностью и самоотверженностью выразили данные взгляды, а скорее то обывательское продолжение, которое они получили, достигнув широких масс и став их достоянием (хотя конечно и сами эти школы базировались на определенной жизненной ситуации). Я говорю в данном случае о способах обывательского поведения, которые всегда грубее и пошлее философских доктрин.
- ⁷⁴ Франкл В. Цит. соч. С. 55–56.
- ⁷⁵ Там же. С. 56.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Там же. С. 57.
- ⁷⁸ Там же. С. 12.
- ⁷⁹ Там же. С. 61.
- ⁸⁰ Никто не доказал, что ничего вечного не существует. Не лучше ли верить в то, что все это в какой-то степени зависит от нас самих, от нашей жизни. Человек неизбежно ставит перед собой различные цели, так пусть они будут возвышенными и пусть он старается обрести веру, необходимую для следования этим целям.

- 81 *Лоренц К.* Обратная сторона зеркала. М., 1998. С. 395.
82 Там же. С. 396.
83 *Франкл В.* Цит. соч. С. 14.
84 Там же.
85 *Русский космизм: Антология филос. мысли.* М., 1993. С. 321.
86 Там же. С. 229.
87 Там же.
88 *Святитель Лука (Войно-Ясенецкий).* Дух, душа и тело. М., 2006. С. 101.
89 Там же. С. 81–82.
90 *Франкл В.* Цит. соч. С. 112.
91 *Доказательства существования жизни после смерти.* М., 2005. С. 449.
92 Там же. С. 429–430, 430–431.
93 *Рерих Н.К.* Культура и цивилизация. М., 1994. С. 61.
94 *Рерих Н.К.* Избранное. М., 1979. С. 255.
95 *Святитель Лука (Войно-Ясенецкий).* Цит. соч. С. 76.
96 Там же. С. 79, 80.
97 *Бердяев Н.А.* Смысл истории. М., 1990. С. 172.
98 *Доказательства существования жизни после смерти.* С. 448.
99 *Рерих Н.К.* Избранное. М., 1979. С. 222.
100 *Вернадский В.И.* Несколько слов о ноосфере // *Русский космизм: Антология филос. мысли.* М., 1993. С. 309.
101 Там же. С. 165.
102 Там же. С. 364.
103 *Святитель Лука (Войно-Ясенецкий).* Цит. соч. С. 75.
104 *Лосев А.Ф.* Дух // *Филос. энцикл.: В 5 т. Т. 2.* М., 1962. С. 83.
105 *Франкл В.* Цит. соч. С. 193.
106 Там же. С. 186.
107 Там же. С. 163.
108 *Святитель Лука (Войно-Ясенецкий).* Цит. соч. С. 69.
109 Там же. С. 16–17.
110 Там же. С. 17.
111 Там же. С. 75.
112 *Лоренц К.* Обратная сторона зеркала. М., 1998. С. 426.
113 *Франкл В.* Цит. соч. С. 187.
114 *Проект Россия.* М., 2007. С. 59.
115 Там же. С. 244.
116 Там же. С. 225, 92.

¹¹⁷ Проект Россия. С. 79, 82.

¹¹⁸ Поручкой тому является то обстоятельство, что, как показывает история культуры, есть вещи, которые все люди одинаково желают, – земное блаженство и личное бессмертие. Это общие желания, которые каждый человек осознает в процессе своей рефлексии, – нити, объединяющие всех людей.

¹¹⁹ *Франкл В.* Цит. соч. С. 195.

¹²⁰ Там же. С. 114.

¹²¹ Там же. С. 113.

¹²² Там же. С. 122.

¹²³ Там же. С. 184.

Содержание

ЧАСТЬ I. ИСТИНА

Вместо предисловия. «Что есть истина?»	3
Значение истины	4
Античные концепции истины	5
Концепции истины Нового времени	11
Соотношение истин факта, разума и веры	20
Соотношение надчеловеческой, общечеловеческой и индивидуальной истины	33
Виды истины	54
Критерий истины	59

ЧАСТЬ II. СМЫСЛ ЖИЗНИ

Вместо предисловия. Встреча в парке	63
Значение смысла для жизни человека	65
Проблема смысла жизни	73
Внешние детерминанты смысла жизни	96
Понимание смысла жизни как трансформации телесного в духовное	105
Условия обретения и реализации смысла жизни	131
Вместо заключения. Конец игры	139
Примечания	141

Научное издание

Горелов Анатолий Алексеевич
Истина и смысл

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*
Технический редактор *Ю.А. Аношина*
Корректурa автора

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 29.10.09.
Формат 70х100 1/32. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 9,5. Уч.-изд. л. 5,89. Тираж 500 экз. Заказ № 043.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН
Компьютерный набор автора
Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
119991, Москва, Волхонка, 14/1, стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:
iph.ras.ru

Издания, готовящиеся к печати

1. **Антропологическое измерение российского государства [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.Н. Шевченко. – М.: ИФРАН, 2009. – 214 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0149-5.**

В коллективной монографии обсуждается одна из самых острых и малоисследованных проблем в отечественной философии и науке, связанная с теоретическим изучением отношения «российское государство–человек». На основе представлений об антропологическом измерении российского государства как императиве современной эпохи в монографии дается критический анализ состояния духовной культуры и социальных качеств российского человека, а также дается сопоставительный анализ качества политического руководства в России и в Китае.

Книга предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей и современными проблемами российского государства, положением человека в российском обществе, поиском новых принципов отношений между государством и человеком.

2. **Биоэтика и гуманитарная экспертиза: комплексное изучение человека и виртуалистика. Вып. 3 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Ф.Г. Майленова. – М.: ИФРАН, 2009. – 236 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0147-1.**

Сборник представляет результаты исследований сотрудников сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики ИФ РАН в области комплексного изучения человека, завершенных в 2008 году. Авторы освещают новейшие проблемы биоэтики, гуманитарной экспертизы, антропологии и виртуалистики.

3. **Гуревич, Павел. Расколотость человеческого бытия [Текст] / П.С. Гуревич ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2009. – 199 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч.: с. 193–198. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0144-0.**
Данная монография представляет собой развитие ряда идей, которые содержатся в работе автора «Проблема целостности человека» (М., 2004). Раскрывая смысл современного толкования человеческого бытия, автор предлагает свое прочтение данной проблемы. Расколотость человеческого бытия показана через бинарные оппозиции бытия и небытия, целостного и раздробленного, телесного и духовного, имманентного и трансцендентного, индивидуального и социального, идентичного и безликого, творческого и разрушительного. Особое внимание в монографии уделено анализу современных философско-антропологических концепций. В книге развивается ряд полемических сюжетов, обращенных к проблеме «смерти человека», «целостности человека», «распаду идентичности» и т.д.

4. **Кричевский А.В. Образ абсолюта в философии Гегеля и позднего Шеллинга [Текст] /А.В. Кричевский ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2009. – 199 с. ; 20 см. –500 экз. – ISBN 978-5-9540-0142-6.**
Книга представляет собой первую – обшеметафизическую – часть монографического исследования, где предпринимается попытка на основе детальной проработки первоисточников и воспроизведения основных ходов мысли и интуиций Гегеля и позднего Шеллинга провести сравнительный анализ их учений об абсолюте. В центре рассмотрения – проблема бесконечности, свободы и триединства абсолюта как абсолютного духа, а также размышления о возможностях и пределах его умозрительного познания.

Предназначается философам, теологам и всем, кого интересуют фундаментальные проблемы метафизики и кто стремится выстраивать свободное и осмысленное отношение к религии.

5. **Культурные трансформации в современной России (соц.-филос. анализ) [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. С.А. Никольский. – М. : ИФРАН, 2009. – 159 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0150-1.**

В работе ставится цель прояснить функции культуры и культурные изменения в современной России. Авторы размышляют над вопросом о возможности культуры быть средством демократизации российского общества, об отношениях между культурой и властью с точки зрения укрепления гражданских начал, о статусе интеллигенции и «срединой культуры», о путях минимизации последствий интеллектуальной эмиграции из нашей страны. Прослеживается динамика образов прошлого в советской и постсоветской России, анализируются характерные изменения в гендерном символическом порядке. Применительно к российским условиям актуализируется концепция «символического обмена» Ж.Бодрийера. Возможность преодоления социокультурного кризиса обосновывается наличием «сверхкультурного измерения», хранителями и наиболее адекватными аналитиками которых выступают философия и религия.

6. **Политико-философский ежегодник. Вып. 2 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.К. Пантин. – М. : ИФРАН, 2009. – 207 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0146-4.**

Второй выпуск «Политико-философского ежегодника», издаваемого Отделом социальной и политической философии ИФ РАН, открывается рубрикой «Россия сегодня». Статьи

этой рубрики знакомят читателя с проблемами и трудностями демократического строительства в России. В рубрике «Интерпретации» выделяется статья А.Г.Мысливченко, где автор анализирует опыт и противоречия т.н. шведской модели социализма. В этом выпуске Ежегодника мы начинаем рубрику «Визитная карточка», где будем знакомить читателей с творчеством современных ученых – политологов и обществоведов.

7. Уайтхед, Альфред Норт. Приключения идей [Текст] / Альфред Норт Уайтхед; перевод с англ. Л.Б. Тумановой ; [примеч. С. С. Неретиной] / Науч. ред. С.С.Неретина. Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2009. – 383 с. ; 20 см. (Философская классика: новый перевод) – Указ.: с. 367–383. – Перевод изд.: *Adventures of Ideas / Alfred North Whitehead. Cambridge Univ. Press, 1964. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0141-9.*

Попытка создания всеохватывающей системы вещей, обеспеченная поворотом к метафизике, к ее высшей и лучшей части – онтологии, которая захватывает весь универсум: его социологию и космологию, философию и цивилизацию, – и которая связана с критикой науки, делает книгу А.Н.Уайтхеда актуальной по сей день. Приключения идей – важный фактор существования мира, понятого как смысл и формообразующее качество цивилизации. В предисловии рассмотрена драматическая история перевода книги на русский язык, связанная с судьбой философа Л.Б.Тумановой.